

ТАТЬЯНА ОГУРЦОВА—УЧИТЕЛЬНИЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 17 (919) СЕНТЯБРЬ 1965

смена

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

СЕНТЯБРЬ
1965

Год издания
сентябрь второй
Выходит два
раза в месяц

бъявляется общий сбор...

Укатился в угол двора волейбольный мяч, отброшена книга, прервано на полуслова письмо. Тревожный телефонный звонок, короткие слова, прозвучавшие в мембране, вырвали из привычного течения дня сотни юных волгоградцев. А спустя час в проходе кинотеатра, на улице, в сквере, в первых боях волгоградского отряда. Тысячи машин были проверены ребятами в голубых рубашках с профилем Феликса Эдмундовича Дзержинского на рукаве...

Трехлетняя история волгоградского отряда «дзержинцев» богата поучительными, серьезными и забавными эпизодами. Сегодня можно было бы рассказать о том, как пришел в отряд Толя Гуляев, как «трудный» подросток перевешнул грани, разделяющие тех, кто горчит в подворотнях, хулиганит от скучи, и тех, кто борется с хулиганством и скучкой,— это показательно для деятельности администрации.

Фотографии ночного рейда можно бы проиллюстрировать детективной новеллой о том, как «дзержинцами» одной из школ Центрального района было выслано по всем правилам криминалистки и буквально схвачен за руку вор, о том, как было предотвращено преступление, подготовленное подростками, учениками другой школы.

А «Республика бодрых?

А вынесенные на берег Волги заседания штаба, когда горячие споры перемежаются песней у костра и ракетным салютом в честь юноворожденного?!

А торжественный, строгий, до мраческого спокойствия Вечного огня на морском побережье?

Поблескивающие вспышки в летнюю общественную жизнь, волнует всех уже много лет. Серия экспериментов показала, что приемы работы организаций, здесь не годятся. Безрезультатными оказались попытки ввести жизнь подростков в формы, придуманные «наверху» и слущенные вниз с грифом «неудовлетворенному исполнению». Эти формы работы лопались, расплывались и становились в большинстве случаев лишь в граве проведенных мероприятий. Ибо они были созданы из расчета на некоего предсказуемого будущего, у равнодушной машины, свое жизненное значение, у равнодушной машины.

А он, мальчишка, неподчен и плюет на логотип. А он, мальчишка, терпеть не может, когда ему указывают, что и как делать. Он все хочет делать сам...

Один учитель рассказывал мне, как члены химического школьного кружка понемногу растворялись из кабинета почти все оборудование. Не-

документанию его не было пределов, когда выяснилось, что пробирки, химикаты, спиртовки не только не уничтожены, но собраны в сарсе однотипные членов кружка. Ребята ставили в этом сарае примерно те же опыты, что и в школе, на занятиях кружка.

НА СНИМКАХ:

Каждое заседание городского штаба «дзержинцев» — это своеобразный военный совет. Представитель милиции обязывает оперативную обстановку в городе. Затем штаб утверждает план работы на ближайшее время.

Борьба с безнадзорностью — одна из основных задач дзержинцев. Этих двух «бизнесменов» членов отряда обнаружили на рынке. Казалось бы, невинное занятие — продавать цветы. Но члены отряда знают, что именно с таких «невинных» занятий начинается порок путь мальчишки в мир,

где единственный бог — деньги. А «дзержинцы» в арсенале не только методы, чтобы предотвратить и запре-

тить. Скажите, эти мальчишки еще хорогорятся, кто знает, не они ли станут затра капитанами дзержинских флотилий в «Городке бойцов» (снимок слева) ... не они ли возглавят ночные рейды, полные опасностей?

ОТРЯД ПОДНИМАЕТСЯ ПО ТРЕВОГЕ

В. ЛЕВАШОВ

ФОТО А. ЛЕХМУСА

Зачем? Разве не удобнее им было работать в прекрасно оборудованном кабинете, под руководством опытного химика?

Значит, не удобнее. Значит, руководство опытного химика было слишком навязчивым, значит, в кружке мальчишка не чувствовал себя хозяином...

Я не ставлю себе целью проанализировать сейчас особенности характера подростка. Приведенный пример мне хотелось подкрепить мысль о том, что не всегда высокий уровень доблести мальчишеской самостоятельности.

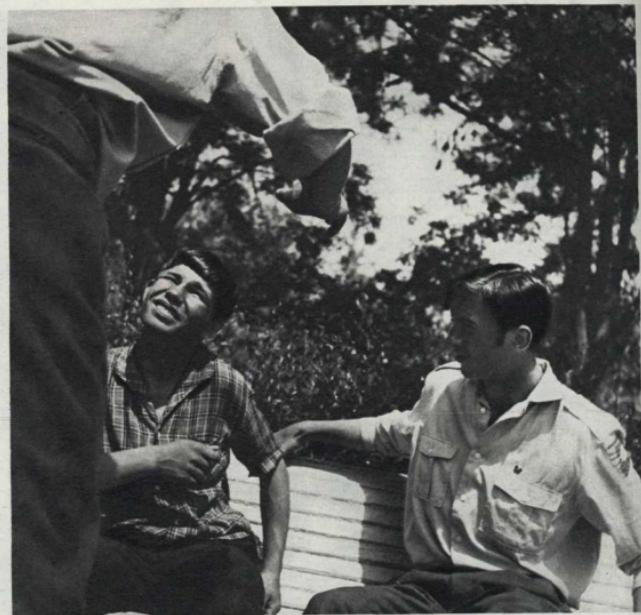
Однинко понимал это редактор тульской молодежной газеты Евгений Волков, и бережно поддержанная им идея ребят привела к созданию молодежного отряда «Искатель».

Понимала это секретаря Волгоградского горкома ВЛКСМ Люси Коротенко — и из группы отличных парнишек, учащихся одиннадцатилетней школы № 19 Центрального района, вырос отряд имени Дзержинского.

Отряд сегодня уже более трех лет. Почетные члены его, «ветераны», как их называют, закончили школу, учатся в институтах, работают. Они не покидают с отрядом и не забыли истории его создания. А создаваясь он трудно. Было недоверие не только у родителей, боящихся, что сын учебу забросит или придет домой с фингалом под глазом. Было недоверие и у милиции — у тех, помощь кому, собственно, и ставили главной своей целью самим ребятам.

Сейчас все это позади. Стараниями самих ребят, стараниями Люси Коротенко и ее товарищей по комсомолу это недоверие сломлено. Как о большом дне вспоминают сегодня ветераны отряда о звонке из милиции, когда впервые не они предложили свою помощь, а к ним обратились целиком сами ребята.

История Анатолия Гузьева — история парнишки, перешедшего сразу, разделяющей тех, кто тяжел в подворотнях, хулигана от скучки, и тех, кто боялся с хулиганством и скучкой — показательна для деятельности «дзержинцев». «Шашка» часто подросток слышит слово «нельзя». Нельзя этого, нельзя того... Мы же не только запрещаем, мы даем дело и полезное и интересное — так объясняет успехи отряда начальник городского штаба «дзержинцев» Леша Король (на снимке справа).

Опыт показывает: как только дружба,уважение и доброжелательство подменяются организационной схемой, как только прививается эта невидимая нить, проходящая через сердца, начинается формализм, обвороживание хорошего дела, и никакими моральными мерами эту потерю возместить невозможно...

В день нашего отъезда из Волгограда к гостинице подъехал «газик», и Люси Коротенко из имени штаба «дзержинцев» вручила нам небольшой сверток. «Разверните в самолете!» — сказала она. В свертке оказались две красные книжечки удостоверений. На высоте шести тысяч метров мы узнали, что это решения штаба принятые кандидатами в члены отряда имени Дзержинского.

Фотографии принятых в члены «дзержинцев» газеты. Их было сегодня от этого привезено не потому, что в моях блокноте нет интересного материала. Не потому, что начинания, как это иногда бывает, оказались липовыми. Не потому, что слишком много фактов дают повод для тревожных раздумий.

Напротив. Представьте, читатели, возможность знакомиться с жизнью отряда по снимкам и по подписьмам к ним, мне хотелось показать другим, имеющим интерес к делу, и счесть бы счастье, если бы смогли для традиционных раздумий. Именно потому, что мне очень понравилась жизнь «дзержинцев». Именно потому, что значение этого начинания трудно переоценить. Именно потому, наконец, что решением штаба из толпы сторонников недоблудителей я звезд в строй отряда, и эти замечания не парадный рапорт, а ограниченное регламентом выступление рядового «дзержинца» на собрании отряда, посвященном выделению итогов его трехмесячной деятельности.

Однако сознавая, что проблемы жизни отряда для волгоградского требуют гораздо более серьезного и вдумчивого изучения и обсуждения, сегодня я не мог вместе с тем ограничиться развлекательными новеллами, дополняющими фотографии. И как журналист, и как комсомолец и как «дзержинец», я заинтересован в том, чтобы отряд не сошел постыдно на нет, чтобы наполнился новыми содержанием, чтобы новые формы, он всегда был для подростков школой самостоятельности и гвардейской зрачности.

Волгоград.

за помощью в проведении рейда по автозаймствам города.

В момент создания отряда число членов его составило 15 человек. Потом их стало 120. Сегодня в Волгограде более тысячи ребят и девочек, которые имеют право носить голубую рубашку с профилем Дзержинского на рукаве. Сегодня они настоящие хозяева своих микрорайонов, детских комнатах для дошкольных учреждениях, под их контролем клубы, кинотеатры, библиотеки, стадионы и спортивные площадки. В них распоряжаются флот ялов и катеров. Отряд растет, как грибы в дождь.

Но почему-то в общем благополучии все больше раздражий у ребят вызывают причины, которые привели к тому, что отряды «книжных коммунаров», у которых есть «дзержинцы» много общего, потеряли свое прежнее значение...

Но почему-то недоверие уменьшилось и у ветеранов и у сегодняшних членов штаба вызывают восприятие того, что отряды численностью отряда?

Но почему-то на мой вопрос о том, что дала «дзержинцы» Центральному району, Люся Коротенко, краинская комсомолка, прежде чем ответить, — это, — ответила, — куда как ясно! — а члены штаба ответили: «больше вреда, чем пользы... В чем же причина?

Леша Король, начальник городского штаба. «Понемногу устанавливается связь между членами отряда, устанавливаются связи между членами отряда. Раньше я знал, с кем иду в рейд, и знал, что в драке меня не оставят одного. Сегодня же всегда я в этом уверен...»

Паша Алексеев, ветеран отряда. «Отряд стал слишком доступен. Стремление к общению, увлечь членов отряда, привело к тому, что сформировалась группировка. Раньше и нам часто просили: «возвращайтесь, мы слишком часто просим: иди к нам... Помимо прочего, приходит время для строжайшей чистки. Пусть мы потеряем количество, но сохраним ядро...»

Должны ли отряды типа «дзержинцев» быть легкодоступными? Правильны ли затруднения вступления в такие отряды?

Этот спорный вопрос. Я все же склоняюсь к тому, что Гавел прав. Но при всей спорности этого вопроса, я считаю, что «дзержинцы» и другие отряды того же типа (они были и наверняка еще будут) должны основываться не на формальном смыслах, какими бы совершенными они ни были, а прежде всего на дружбе. На личной дружбе.

Октябрь — ноябрь

Лег на улицы снег
Горностаев мантией,
Только дворники с ней
Обшарив невинимательно.

Снег сгребают, не цацкаясь,
Пореняв: не годится
Однажды царское
Пролетарской столице.

На погоду не охах,
Люблю эту пору
За божественный грехот
Воставивший «Аврора».

Снег в ветер в лицо,
И кости, чтоб погреться,
И ульбки синевитые
Красногвардейца.

А еще в эту пору,
Никого не любя,
Я шатался по городу
И увидел тебя.

Мне хочется торжественности
Чувств.
В ней что-то есть от древнего обряда,
От ежегодных превращений сада.
У них чему-то, может, научусь.

Просто, в белых чашечках кусты,
облитые весеннею росой...
За ними вся разиненная Россия,
и жизнь моя, и дом, в котором — ты.

Когда гляжу на мокрый листподад,
не сучусь, и мне не до обмана,
перед глазами в молоке тумана
уходят листья. Тополя стоят.

Апрель

Мой автобус по лужам катит —
Веер брызг — будто это катер.

И представляю, что темпер оп.
Напевает юзер в микрофон.

А деревья, спавшие глухо,
Вдруг цыплячики покрылись пухом.

И булыжник до Красной Пресни —
Словно ритм молодежной песни.

Раскарабкались растрепанные вороньи,
И черные разволковались ветки,
Когда ворвались в путьаницу города
Сирые западные ветры.

Дома упали в голубые лужи,
Река проснулась, скрипнула старье,
И стало ясно, что минуту не хуже
Изменчивая пагота ее...

* * *

Он никогда не видел флота,
В деревне будучи рожден,
Его прислали из пехоты
Морской пополнить батальон.

Он получил по аттестату
Тельняшку, форменку, бушлат
И стал «чумаком полосатым»
И смертью для чужих содет.

А он домой отправил фото,
Где в бескозырке он стоял.
«Примят родными от Коли с флота»,
На обороте написал.

Сначала было очень трудно
Во время действий боевых,
Но он вскося кричал «полубудра»,
Не отставая от других.

Потом его похоронили...
Давным-давно разгромлен враг,
Трава и клевер на могиле
И надпись: «Тут лежит моряк».

Медвежий цирк и мотоциклист

Медведь со страху на арене мочится,
Ревет в полсотни лошадиных сла.
А что кататься до смерти не хочется,
Его никто об этом не спросил.

И вообще он техники не любит:
Горелым нахнет и бросает в дрожь.
Со всех сторон все люди, люди,
люди...

Ни одного лица не разберешь.

Но щелк хамсты тревожит то и дело,
А посы — сахар из знакомых рук.
Мозгите в штанах коротких тело
Свой беспримерный совершил трюк.

...Мне ясно, как и всем моим соседям,
Что зверь — дурак, не смыслит
ничего.

И все же неловко как-то, жал
медведя

И все родню актерскую его.

А отпустил в чанбы да болота,
Он к людям наворачивичать придет,
Пока любите спорт и охоты
Его дуплетом в морду не прибьет.

Возможно, что откликается газета:
«Не изменено мужество стrelak...
Был зверь сирип и получил за это...
А он пришел поклониться сахарку.

Сен-Симон

Старый граф в окончике пиятся.
Морит свой оральный нос.
Пищет людям, грея пальцы,
Утопический прогноз.

Никому не нужен он —
Представитель рода древнего,
Потемневший, словно дерево,
В паре старых панталон.

(Линь слуга, хоть жизнь прошла,
Утром, подходит к кровати,
Мрачно шутят: «Граф, иставайте!
Ждут великие дела...»)

Знаю, взятый в оборот,
Пылающий юноша-мечтатель,
Спекулянт, потом инсателль —
Лучше, чем наборот.

Бакалейщик и мысник
Не прощаю графу долга,
Жалея праведно и долго...
Мир совсем не знает их...

РЫБАЦКОЕ

— Ну, Орлов не побрился — быть рыбе! Примета верная! — шутят кто-то.

Под полубаком тесно. Здесь собираются покурить да перед сном по травить за жизнью свободные от вахты рыбные мастера, трапперисты, матросы, кочегары.

— Если бы не погода, были бы у нас на месте...

— Еще часов шесть идти. Рыбаки поклонами, затянувшись папиросами,

Огромный диск незадающего солнца золотил убегающую за корму воду. Вместе с берегом исчезла грусть прощания с близнецами — грусть морака, уходящего в плаванье. Сначала быстро, как волны за бортом, а потом все сильнее напышают привычные думы рыбака: о рыбе, об удаче, о плане.

Вторые сутки RT-157 идет полным ходом к раннему громкому. Вторые сутки гордия Волга не выходит из порта. Склонившись над картой Баренцева моря сплошь испещренной цифрами глубин, капитан прислушивается к голосам своих коллег, доносящимся сквозь четкий ритм морянки, скрежет и свист помех. Идет радиосовет капитанов. Из разных районов моря сообщают они цифры дневных уловов, координаты движущихся траулеров.

Сложная задача у капитана — как можно скорее вывести траулер в море. Конечно, советы и наблюдения коллег помогают. Но одного этого мало. Каждый капитан рыболовного траулера обязан знать повадки рыб, скорость и направление морских течений, всякие другие тонкости, чтобы предугадать, куда передвигается косак, и, безошибочно поставив на огромной карте маленькую точку, вывести на нее корабль.

Болкову двадцать девять, но ум не выходит из бо, разозлит северные моря, начнется штурмана. Пять лет после Мурманского мореходного училища зайдет на поисковом траулере. Два года на RT-157 был

НА СНИМКАХ:

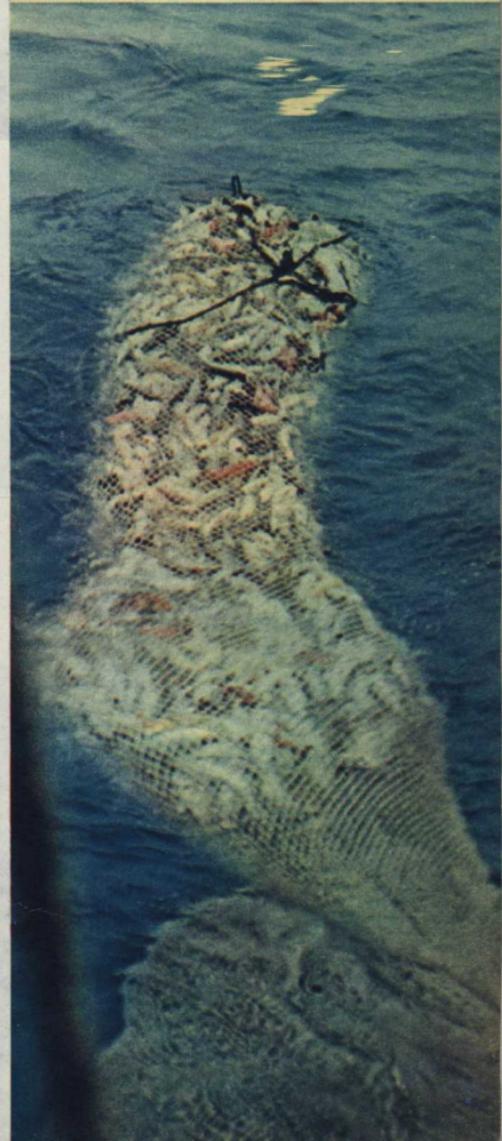
Вестник рыбакского счастья — чаек.

Старший матрос Петр Савицкий.

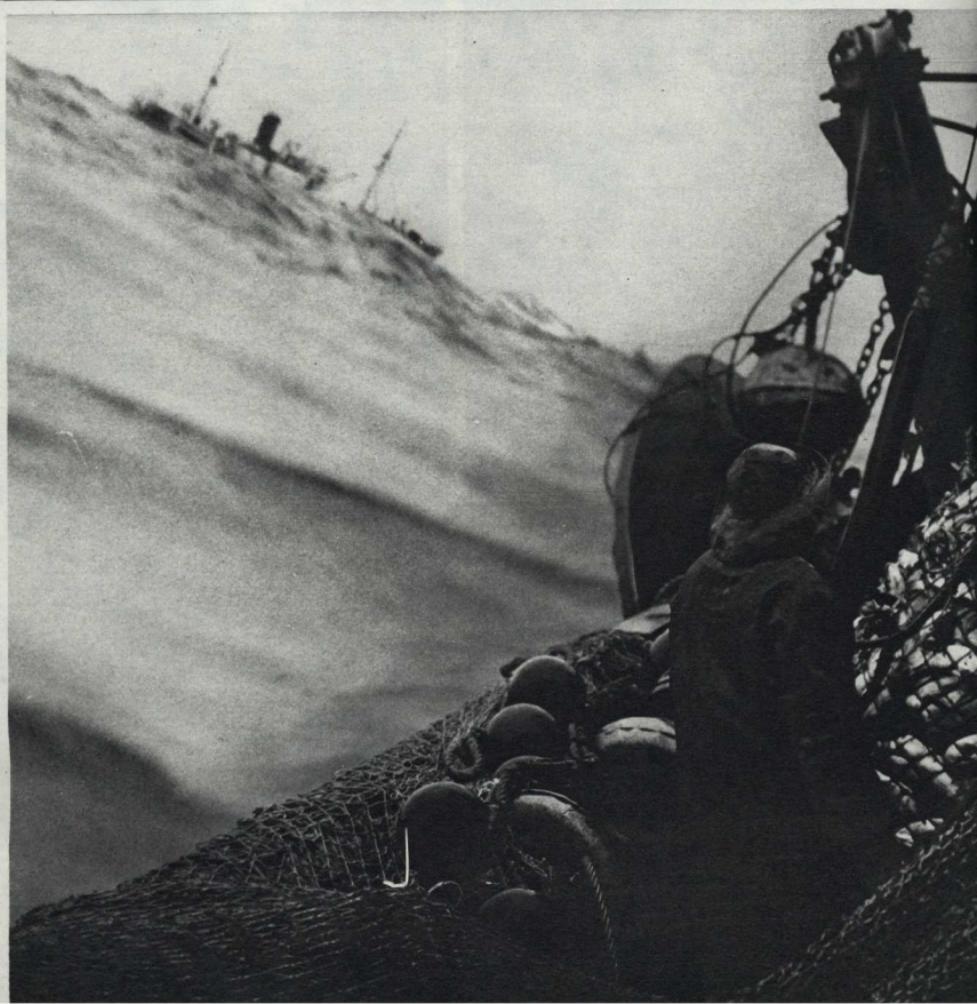
Первый траул.

счастье

Фоторепортаж
Виктора
САККА

Капитан
Геннадий Волков.

старпомом. Теперь капитан.
«Знает, почем фунт рыбки», — говорят о нем опытные рыбаки. «Не подведет».

Район промысла называется «Кольтковской баникой». Несколько хватает взгляда — суда. Море будто усяжи ими до самого горизонта, какими-то развернутыми легда. Но где здесь только нет наши, нормандцы, англичане, немцы!..

В бинокль едва различаем плавущий на волнах буй, поставленный поисковым траулером.

— Пришли точно, — должен капитан.

Первый трап... Этого момента ждали с нетерпением, к нему целились готовились, с опаской, заработали лебедки, палубная вахта в ярко-желтым непромо-

Добрый улов.

каемых рабах разбежалась по своим местам, в котельном и машинном отделениях ждут команды.

И вот наконец:

— Спускать трап!

Мгновение — и сеть исчезает в вздыбившейся воде. Отдают носовую и кормовую доски. Над мачтой взмыла «корзина» — значит, судно идет со спущенным трапом.

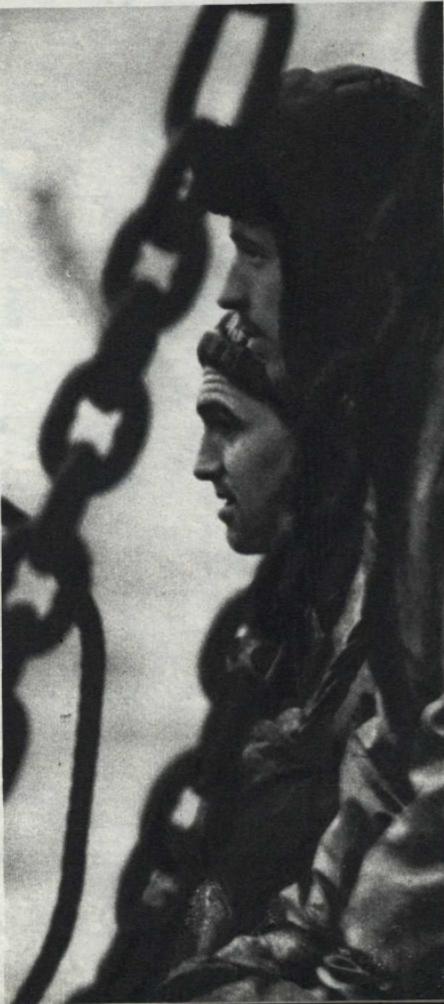
Море глубоко дышит пенимыми холмами, ядко захватывает длинные стальные троны. Синцово-серые горбы вслушиваются, выдыхаются у склонов борта. Палуба вздыхается и опадает. Водяная пыль летит в лицо. Траулер, тяжело пытаясь перевевалившись с волны на волну, медленно тянет трап.

...А через два часа снова загрохотали лебедки. Чайки закрутились над палубой. Метрах в пятидесяти от борта посветлело море: вскапывая, тургорами воздуга к выплюнувшему вслед за огромным поплавком набитым красным морским окунем трапом.

— Полякошлем...

— Да нет, пожалуй, кошешка наберется...

«Кошешка» у рыбака — понятие растяжимое, примерно тонна. Но эти тонны, или иначе сплошь бывают разные. Например, «волгоградская» это тонна с гаком, а «тага» — еще тонна десять. Есть тонны «московские», «казанские», да каких только рыбаки не придумали!..

Отдан стопор. Трап снова ушел под воду.

Часами не уходит рыбак с палубы, уходящей из-под ног, не замечая ни шторма, ни ветра. Идет рыба.

И вот уже пляшет на палубе рыба. Первый улов.

Пятидцать суток длился рейс РТ-157, обычный рейс рыболовного траулера. За это время рыбаки выполнили план по ловле промысловых. И когда мы вошли в Мурманский порт к многогратное это разнесло над городом протяжный гудок, известивший о том, что трюмы полны рыбой, я увидел обветренные лица рыбаков и понял, что такое рыбакское счастье.

Трудный рейс подходит к концу. Прямо по курсу — Мурманск.

Даже кок оставил свои кастрюли, чтобы взглянуть на удачный улов.

РАССКАЗ

Почти разом прозвучали два выстрела. Вторую минуту ему думалось, что выстрелы раздались в сне. Он приподнял сон: сияло лето, море на юге, тишина... Нет. Пропади подушки и дотянувшись рукой до настольной лампы, Петрухин включил свет. И как-то сразу понял: выстрелы прозвучали на краю села, оба из дробового ружья. Он посмотрел на часы. Было два часа десять минут.

Море шуршало снежной штукой, несильно билось о ледяной пристай. За окном черно стояла ночь. По всему селу на разные голоса тякали собаки. Где-то далеко забко и тонко прозвенел женский смех. Сторож на рыбозаводе, наверное, с перепугу, ударил в рельс. И все это непрек, на фоне моря, его спокойности, плавного шума, быстро затихло, будто утонуло в нем.

Минута спустя, торопливо проскрипели шаги, нетвердые, чуть сльно звякнула собака; измельчали звуки, послышались слова команды. Это часовые ушли на задание.

Петрухин встал, наступил брюки и сапоги, налил кипятку. Подумал о патрульных: «Минут пятнадцать они будут идти до места происшествия, минут пять — там, пятачить — назад. Итого...»

Из умывальника хлестко капала вода.

Петрухин намочил край полотенца, обтер лицо и принял размеренно ходить по комнате: шесть шагов к двери, шесть — к окну. Это было его привычное напряжение. Он ждал и ни о чем не думал — не отвлекался, но и беспокойство не очень — держал себя «на взводе», как сам определил это свое состояние. Так легче было ему перейти к действию, к любому решению.

В два пятьдесят он пошел к телефону, но только протянул руку — разразил звонок из кабинки.

Слушаю?

— Товарищ лейтенант! Докладывает старшина Манасков. Стрелял колхозник Корольков. Дикие лошади напали на его двор, уничтожили сено. Провозгласил да выстрела жаканами из двустороннего дробовика.

— Ясно, Манасков.

Старшина помолчал, сильно дыша в трубку, и другим, чуть сонным голосом сказал:

— Товарищ лейтенант, а это те, наши коняги...

— Ложитесь спать!

— Слушаю вас!

Трещь цапнула, и в окне заскрипело, зазыбнулось, подступив черной стенной, зимнее море. У заставы сменились часовые: отрывисто прокрипел снег, звякнули приклады.

Петрухин раздвинул, лег. Выключил свет. Стены ушли в темень, исчезли в окнах прозрачны глубокой синью, будто и вправду в них стояла вода. Она была стыла, от нее сквозило, и с каждым толчком моря в комнате становилось холоднее. Печь едва теплилась, замерла в темноте угла.

Хотелось сразу уснуть, и он даже склонился над собой: «Отдохни...» — но на сей раз привычка «снабдала». Пришлося попротив подуть на одеяло, повернуться на бок. Медленно, шевелясь, прорубалась голова, сильнее обозначились удары моря в ледяной пристай. Они звали долго, неоступно, а после перешли в конский топот, и этот топот вынес Петрухина в лето, в яркий, горячий свет, в зеленые, раздольные бамбуковые сопки.

На этот курильский остров Петрухин приехал в июле, когда начальника заставы уже не было: в начале месяца его вывезли на вертолете с приступом лихорадки. Личный состав, имущество пришлось принимать у старшины Манаскова, и с ним первым на острове познакомился Петрухин. Застава была маленькая, строгая и опрятная, слубка шла хорошо — это сразу отметил Петрухин. Старшина доложил, что за три недели июня были две нарушения границы: задержали рыболовную шунку и «купальника» — там называли здесь маленькие деревянные катерики, на которых плывали японские добывчики морской капусты. Петрухин познакомился с солдатами, пообщался с ними, к вечеру принял все документы, и на заставе остались они со старшиной вышли к морю.

Петрухин огляделся, пошуршился на яркую воду, вскинув голову и длинно выдохнув.

Он летел на самолете, после вертолет перенес его на этот клочок земли в океане: он омывал смотрел на беспрепядные, будто затвердевшие воды, дымящиеся облаками хребты, горы, впервые увидел конусы вулканов — и молчал, чуть напуганный, удивленный. Он не совсем верил в реальность этой дальней дали, чтобы постепенное привыкнуть к ней, а при-

ехал на место, весь день думал только о службе; и вот теперь вздохнул, как бы разом смирился, приняв ее.

Земля была под ногами, воздухом он дышал, море можно потрогать, и глаза не обманывали: за пропившим поднимались к тучам вулканы Хокайдо, под ними, едва видимые, белели японские шхуны; позади заставы — дощаний рабочий поселок, здесь тоже когда-то жили японцы, дальше гладкими бамбуковыми сопки, еще дальше — огромный вулкан с белой дымкой над кратером.

Старшина водил рукой, называл мысы, заливы, вулканы; достал из воды огромную раковину, раскрыл — как на блюде лежал, подергиваясь розовой, студенистый моллюск. Усмехнувшись, сказал:

— Хорошо же ужин!

Петрухин сморщен нос, отвернулся.

— Когда пойдем на границу смотреть? — спросил старшина.

— Завтра.

Петрухин ушел с кебе в комнату и, пока не померк на море свет, стоя у окна, смотрел, думал, вздыхал — вживался в остров, в свою новую, долгую службу.

Утром его не разбудили, дали поспать. Встал он поздно. Море опять было полно света, движений, его всполохи омывали стены, потолок. Повар принес в комнату завтрак, кофе в термосе. И тарелки и термос на столе зангрелись, засияли.

Словеса, выпив кофе, Петрухин вспомнил, что собирался ехать, вышел и увидел Манаскова: он сидел на ступеньках крыльца. Рядом стоял намытый эластичный «газик». Старшина вскочил, взял под козырек, доложил о службе: ночь прошла без происшествий.

— Вольно... — сказал Петрухин и влез в машину.

Манасков сел позади, шофер-ефрейтор, скосив глаз на «новое начальство», боком вышел машину за ворота заставы.

— Говорите... — сказал старшина Петрухин.

Машинка неслась по песчаной улице, мимо маленьких, склоненных из досок, непривычно ярких домиков. Столбчатые тени буро болтались за спинами, в сопках и долинах скользили друг другу в окна, течь вниз в вада. На обгоревших цветах насторожка: она была такой же, как на Большой земле, только потученнее, порозистее, в панцирники удивляем: вместо цветов в них подпирали крыши дикие лианы. Сафов, российские, здесь уживались еще с тем, что оставил после себя ушедшие отсюда люди.

— Ну, товарищ лейтенант, слушайте лекцию... — сказал с усмешкой Манасков. — Послеком видите какой. Дома на куриных ножках. Другое здесь не устоит: земля часто трясется. Работа — рыбка сама разбрасывает, крабов ловят, морского зверя берут. Это потоки сами изучите. Люди — больше с Волги, из бедноватых сел: здесь живут крепких: заработка, «свервины», рыба бесплатно, огороды... Правда, тоскуют по матерям, уезжают, опять приезжают. Словеса, знаете, пока русский мужик осадит — вдосталь находитесь: все ему кажется, что за горой лучше. Ну, климат — тропики. Лес тоже увидите. Охота, рыболовство, как в доисторическую эпоху.

— Всегда Недлино.

— Для начала хватит.

— А клуб, девчата?

— Это есть... — Манасков усмехнулся, раскрыл папиросу. — Девчата везде есть, где жить можно. Теперь и в космосе появились.

— Не жениться!

— Решаю: может, стоит здесь осесть годика на три, капитал скопить?

Вот только что лучше: девушка или вдова?

Старшина засмеялся, улыбнулся ефрейтор-шоферу.

Петрухин вспомнил о своей Наде: вот бы здорово привезти ее сюда сразу с собой, здесь и свадьбу спрятать, вон под тем вулканом! Подумал: надо написать письмо сегодня же вечером и обо всем, чтобы забко, жутко к ей стало в прекрасном городе Калупе.

Машинка скользила с холма, понеслась на встречу морю, у самой воды крою повернула и зашвыршила, засквозила по твердому, укатанному прибою склону.

— Наш асфальт... — кричал старшина.

Слева вспыхнула яркая, ярким образом: над ним громоздилась сопка, белая от цветущих лиан. Впереди на желтом обрыве простирались стеклянно-голубой, призрачный шлейф. С каждой минутой он плотнее, овеществляясь, вытягивалась выше, «водопад» — чуть не крикнул Петрухин, вдруг почувствовал, что это такое. А водопад уже гремел, сиял, рушился в камни диняни, напряженные потоки, и воздух вокруг него был насыщен водяной пылью.

Рисунки В. ЮДИНА

Ефрейтор остановил машину, показывая водопад, потом подвел ее еще ближе — так, что страшно было глянуть вверх. Когда оттолкнуло ветровое стекло и на лице, на руки им насыпалась влага, он развернул машину и повел по крутым подъемам в тесный распадок. Курильский «асфальт» кончился.

Машину лезла в небо, задыхалась, всхлипывала. Хотелось уцепиться за скобу, закрыть глаза: сразу от колес проваливалось ущелье, в сумерках на дне играл камнями ручей.

Выползли на зеленый горб сопки, небо качнулось вверх, земля обозначилась в стеклах, и шофер выключил газ: перегрелся мотор. Выпрямнувшись, размыли ноги, отошли подальше от горячей машины, огляделись.

— Ай-ай! — вздохнул Петрухин.

Здесь, в глубинах кипящего бамбука, солнечн, находятся, совсем рядом, дыбнись в облака рыжий бок вулкана. Застывшим дымками чадили фумаролы, чувствовалась запах серы, тревоги. Внизу мерцало море, на нем лежали, плавали присрачные голубые конусы других, соседних вулканов. Волны, падения, неясные дымы, перепады красок и теней — и надо всем неизобразимо распластавшееся вселенское небо. Это был край земли, здесь он трудно встречалась с океаном.

Петрухин вздрогнул, когда рядом остро крикнул ефрейтор:

- Кони!
- Что такое?
- Вон под той скрой, в бамбукнике — кони.
- Дикие? — сказал Манасюком. — Здесь их много. Иногда мы охотимся. Массо говорил.

Сели в машину, поехали по зеленым покрытым холмам, приникшей жесткий, посыпавшийся листьями бамбук, к подножию вулкана, где пасся табун диких коней.

На застывшую возвращались в суковьерах, молчали, устав за длинный, трясущий динь, и Петрухин думал: написать Наде или нет? Рассказать о сегодняшнем дне, море, острове, чтобы... Нет, письмо он, пожалуй, не пошлет. Надо он видел всего один раз на Тверском бульваре, когда бродил по

Москве, ожидая назначения. Узнал, что она из Ирана, работает учительницей, в Москву приехала в гости к тете. Поболтали о погоде и кино, познакомились, и только он хотел пригласить ее в шашлычную «Эльбрус», к Наде подошла толстая женщина с белым зонтом, в белых перчатках. Надя смущалась, спросила: «Что это за место?» Ефрейтор так,

будто он мастер выругался; они ушли к Никитским воротам.

Петрухин не успел узнать Надиного адреса. Конечно, можно на горону написать — в Калуге найдут. И написал в самолете. Но пока он не отоспал, будущий мастер выругался; они ушли к Никитским воротам.

Петрухин опять думает о Наде.

Он обещал застывать, проверять часовых, поужинать в столовой, сыграл партию в шахматы с Манасюком. Долго смотрят, как солдат кормят стражевых собак. Искривился в спине, выпил кофе «трам» из термоса на берегу. Тогда подбежал дружок к себе.

На столе лежал дневник. Каждый вечер он что-нибудь записывал в него: что было его давния, школьная привычка. Он сел на стул, взял перо, на чистом листе обозначил число и месяц. Начал писать:

«Дорогая Надя!

Остров, на котором я теперь служу, необыкновенный. Все здесь не такое, как у вас, на Большой земле. Если трава — так метровая, если дерево — там в два метровиков роста. Честное слово! Даже картошки на огородах вровень с заборами, как скворцы в тропинках — бамбук на сопках, дикие кони, птицы, якобы именуемые пингвинами.

Сегодня мы со старшиной Манасюком вздымили смотреть границы. Если пройти берег острова. У меня глаза устали: море, скалы, страшные осыпи, водопад с каменным грохотом. Потом к вулкану подъехали,

и я сидел на коне. Но самое удивительное — кони. Дикие кони! Они табуном ласились на поляне возле вулкана, и мы подъехали к ним вплотную из-за рощицы дубника. Манасюком показал рыжую кобылицу с пятном на лбу и белыми чулками на ногах. Это хозяйка табуна. Есть у нее имя: старшина называл

Сказкой. Он был когда-то на конных соревнованиях, и такая же, очень похожая на эту кобыла взяла первый приз. Сказку знает все солдаты и все рыбаки в поселке. Ее не стреляют. А других бьют. Говорят, мясо хорошие.

Мы вступили табун. Сказка подняла голову — мне показалось, что я увидел ее черные, тревожно пыхтывающие глаза, — она длины, нервно зажрала, раздула ноздри, и понеслась к нам. И я увидел коней на волне, и, конечно, в сокрушительной, что они могут быть так красавы. Честное слово, Надя думала, что там табун по травам, по тропинкам бамбушину, он был весь выткнут; каждая пощада стала продолговатой, стоящейся. А впереди летела Сказка. Рыжая грива приподнялась, хвост, казалось, затвердел, ноги в белых чулках подобрались и выбрасывались легко, как у гончей собаки. И все вместе было похоже на скакун без жокея, а еще вернее — на древние наскальные росписи пещерных людей.

Кони умчались за отлогий бок вулкана, и в той стороне, как пыль, курилась серная дымка из фумарол. А я смотрел, ждал, будто неожиданно обралась пленка кино — вот сейчас заструится аппарат, и по звенящему экрану трап снова промчится табун диких коней.

Старшина Манасюк сказал о Сказке: «Такие красивые бывают еще женщины».

Может, Вс это обидит, Надя! Конечно, он сказал в шутку, но мне кажется, как это точно! И еще я подумал: красота в чём-то однакова, природа у нее одна.

Вот у меня и яко больше из себя не смогу ничего выжать. Устал, башка забита впечатлениями — сплошной бред!

Желаю Вам всего хорошего!

Лейтенант Петрухин.

Он перечитал письмо, в конце строчки «А впереди летела Сказка» поставил восклицательный знак, разделился и камнем лег на кровать.

Прошел месяц. Петрухин вступил в службу, привык к бурному климату острова: легче дышал туманом, но расписал от влажного зноя, научился спать под громобой прибоя. Дважды перекинул землетрясение: земля передернулась, как шкура зверя, заколебалась стены, жутко задрожали столов, крошки, стулья. А раз вулкан, дохнуя пламенем, выхнул оракул пепла; весь день пепел моря в воздухе, припрощивал моря и землю.

Задержала одного «купальщика»: заблудился в шторм, приближал к острову. Петрухин спас его, и тот, сидя в кают-компании, его младшим капитаном. Моряки, перепуганные, они всплыли, улыбались и были конь за повторяли: «Кони никими роски!». Кони никими! Разговорник помогал плохо, больше руками, мычанием обяснялись, понимали, кое-что. Петрухин впервые видел людей с Японских островов. Присматривался к ним, думал о прошлой войне, ощущал деревянное душегубство; удивлялся, как можно выходить в море на такой посудине-«душегубке»; все были недужными снасти, робы, циновки, даже намокшие картонные бомжи. Конечно, не может расспросить, от чего у них эта смелость: от бедности или бесстрашности? Хотелось знать, как они живут у себя на Хоккайдо и зачем им так много надо ламинариев — морской купальсти! У нас она является по всем берегам. Едят они и моллюски, гребешки, на острове остались после них курганы пустыни раковин.

— Я их знаю, эти «купальщики», — сказал Манасюк, — от голода все жрут.

Петрухин приказал, чтобы к обеду ему приготовили салат из ламинари и сварили моллюски. Старшина поборолся отговорить: «брюсты, не русская еда! — но все же влез в воду, отбежал от берега и сам надергал капусту: выловил большую, обросшую мохом раковину. Обедать Петрухин пошел позже всех, но когда ему подали салат, появился старшина, присел на скамейку: он хотел видеть «дегустацию» морских блод. Петрухин поддел вилкой длинные, похожие на лапши, рубленые листья ламинари, стал жевать, послевес проглотил. Салат не даже напоминал огорода, полную капусту и, пожалуй, вообще никакого не имел вкуса — просто сильно раздавлен юдом. Петрухин упрямо ссыпал салат, сказал:

— Позлено.

Со страхом поднялся другой бледно: моллюск был отварен, поджарен, пропитан маслом. От него пахло сладко и душновато. Породнил: «Едят же японцы, не умрут» — вонзил в белое, мягкое, прочно-таки цыплячье мясо. И удивился: по вкусу оно смахивало на крабовые консервы, может быть, только чуть погрубее. Съел все, что было в тарелке, глянул на старшину: то увяленными глазами смотрел на «чашельство», часто глотал слюну (его, видимо, слегка потянувало), встал, подтянул ремень.

— Вот что, — сказал вкочившему Манасюку, — предлагаю взвести в равном солдат эти два блода. Живущим у моря надо уметь кормиться от него. Это не помешает.

Старшина прижал руку к груди, наклонил голову, извиняясь и выказывая свою полную беспомощность, проговорил:

— Мы же российские.

— Ничего. А вы не вините каждый день, — сказал Петрухин.
Он привык к себе, привык отдохнуть и взял со стола «Стреловой установки»: не заглядывал в него, надо было повторять некоторые пары-графы. Но читать почти не смог, все прислушивалась к своему животу — как он переваривает куриную пищу — и понемногу задремал. Пронесся от зуммера телефона, вскочил, по курсантской привычке сильно крикнул в трубку:

— Лейтенант Петрухин слушает!

Говорил председатель колхоза. Приключилась небольшая беда: племянный колхозный жеребец Форс ушел с табуном диких коней. Вторые сутки бродят. Пробовали отыскать — не смогли: всадников мало, ружей и того меньше, а надо постrelять, попугать.

— Эта Сказка, мать ее! — сплюхну выругался председатель — водят на него дурака за хвостом, людей по километру не подпускают. Даю говорю

Манасюку: спиши на нее один патрон, беды меньше будет. Жалко, вишь ты, красавица...

Председатель просил помочь отбить жеребца, заодно подстрелить одного-двух коней для колхозной стадки.

Петрухин позвал старшину, вместе они «кобговорили» просьбу председателя: «Мы хотим, чтобы члены солдат — из тех, кто больше пручен к верховой езде, — и поклеат на машине самим: посмотрите необычную скотину на жеребца м... спасли Сказку».

— Мы же ее поймаем, — сказал Манасюк. — Вот зимой будет большой снег — и поймаем. Прииримся. Текущий коня убить? — Кто же это может грех на душу взять?

Петрухин молчал, хмурился: больше всего он боялся нежных слов, чувствительности; и если все-таки голос иногда срывался, он панически красен, торопился уйти, чтобы один из одногруппников с собой, обрести нужную внутреннюю форму. Сейчас Петрухин медленно закурив, разре сунул к немножку переносице брови, сказал:

— Все, старшина.

Через минуту выделился на бамбуковых холмах в сторону вулкана. Дорога туда винтилась в зарослях, то огибалась кругом холма, то завивалась над осыпями и обваливаниями. Шофер-аэфрейтер небрежно крутил барабан, положил левую руку на дверцу машины, почти не смотрел на дорогу: Петрухин хотелось сказать: «Нельзя ли помнительней?» Но когда подъехали к болоту, перекрытому старой, полукусившей гатью, и шофер, рывком бросив машину, чуть не по воздуху перемахнул на твердую дорогу, Петрухин подумал: «Да это же аса!». После он следил за его руками, движеними, удивлялся, почему в первую свою поездку не заметил редкого умения аэфрейтера, и решил, что тот просто скромничал, statt размышлять о шоферах вообще, их работе. Конечно, только на такой взбодоренной земле можно научиться творить за рулевым колесом всех других методов — слабая практика! Вернется аэфрейтер, и в свою брандованную деревню — покажет сорбаты по барабану, что такое настоящая работа.

Тогда увидел он коня, он пытался там же, на отлогом раздолбью подножину вулкана. Остановился в езинке, километра от заполя: пошли пешком, осторожно, присчась за кусты, пригнувшись. Выбрались к опушке леса — дальше был луг, и в середине его паслись кони. Сели в траву, на кончики.

— Вон она! — прошипел Манасюк, схватив за руку Петрухина. — С Форсом играет.

Чуть поодаль от плотного табуна двинулись, взмахивали гривами, тихо всхрапывали Сказка и жеребец. Петрухин поднес к глазам бинокль — и сразу прынула на него зеленая стена луга, скользяясь под ветром травы, блеснули крупы коней, а вот Сказка и Форс; они не замечались в первые круги окуляров, и Петрухин видел то, что видел: японские кони, японские носы, японские уши. Вот промелькнули черные шары глаз, японские руки, японские ноздри, белые оскаленные зубы, японский, японский хвост; потом забились высокие, пружинящие ноги жеребца, черной волной ударила грива, мокро свирепая кругой, гладкий крупой. Петрухин опустил бинокль: по оплавшему, расплакавшемуся вишни раздольно неслись две выткнутых в движении, стущиванных воздушном фильтром — Сказка и Форс. Табун тревожно вскакивал головы, следил за ними, перекликался коротким, чутким ржанием.

Старшина глянул на Петрухина, заметил, что у него хмурились глаза и вздрагивали руки, сказал:

— Минут через пять — гон. Все в порядке, товарищ лейтенант. В каждой группе — по солдату. Товарищ только у нас...

Петрухин поднял голову, стоял смотреть на бурый конус вулкана. Он был четко, как на картине ярмарочного художника, прислонен в тонкий синий небесный фон, и вспыхивал вспышками, обличая стороны. И, если присмотреться, он так же, едва заметно, призрачно чадил газами. Картина была притягательна, но реальная, и такую Петрухин купил бы себе на память: вокруг нее страстей, трагично было напряжен в воздух.

Где-то на окраине леса щепка бинча ударила встрем. Табун сбился в кучу, качнулся в одну, другую сторону. Сказка остановилась, вскинула голову с обострившимися ушами, бросилась к табуну, Форс, ничего не понимая, поскакал за ней. И сразу с четырех сторон на луг выпалились всадники.

Они ринулись на табун, с криками, пальцами окружили его, насыли. Возникла неразбериха: толчья, ржание, храп коней, кильканье чешуекиных фигур; кто-то упал, взмазнув руки, длиной выше плеча, вспыхнув головами; первая аркания, грохнула в ветви, сорвалась. Потом все, оторвавшись от леса, сорвались с клона и затихли, и последнее, что увидел Петрухин, — вскинувшая, оскалившая голова Форса на аркане и вадлеке, у сажи, мигом, плотного леса — по-собачьи вытната, лягушка Сказка. За нее остырим кинут уткаб. Еще даунды громыжными вытнотами.

Поле опустело, над ним замирал серый дым, перетертый колытами змевами, и в этом дыму одинокий, выбитый из седла всадник, впало покрикав, ловил своего перепуганного, одичалого коня.

Петрухин и старшина пошли к машине. Ефрейтор дрался, обхватив руки барабану, сразу включил мотор, развернулся машину. Он ни о чем не спросил, молчал и старшина, не хотелось говорить и Петрухину: вроде все было хорошо, но какая-то легкая досада сидела в груди. Повзяли по холмам, сквозь кусты и ливни, над осыпями и обваливаниями. Досада не проходила, понемногу накапливаясь, сгущалась, а когда Петрухин вошел в свою комнату и закрыл за собой дверь, ему показалось, что во рту у него горькая слюна.

Он не выходил из комнаты, пока не пригласили ужинать. В столовой ждал Манасюк. На больших тарелках повар принес им по куску горячего мяса.

— Отбивная из и-го-го! — солгал он.

— Два убийца, — сказал Манасюк. — Как требовалось...

Пододвинув тарелку, Петрухин тронул ножко отбивной: она еще ширела, сочилась бурой, непрожаренной кровью. Хотелось оттолкнуть тарелку, крикнуть повозр: «Дайте что-нибудь другое, не ем вечером мяса!» — но старшина уже мощно жевал, потрескивая зубами, смотрел на лейтенанта. Петрухин взял вилку.

Ночью он написал длинное письмо Наде. Рассказал ей о японцах-«купальщиках», о салате из ламинарии, морской греческой, о черном пепле вулкана, землетрясениях и особенно долго, старательно — о Сказке, диких конях.

Здесь всегда сиплется снег — в любую погоду, ночью, днем. Он из самого воздуха: влага поднимается от моря, холода вперед, сворачивается и сиплется на землю снегом. Здесь всегда чисто, бело, вулкан первозданный, лунно вдыхает в небо синие грани.

Петрухин спрыгнул с крыльца, по твердой тропе пробежал до казармы, сделал несколько упражнений и, поддав ладоню влажный снегок, доскастая руки и грудь. Зепрыгал, фыркнул и отдувясь. Вышел Манас, усмехнулся, сощирясь на яркую белизну, и Петрухин вспомнилочные ночные выстrelы.

Старшина! — крикнул он, перестав прыгать. — Готовы лыжи, Сказку поймей ловить. Обещаю!

Последствии они натянули легкие брюки и свитеры, стали на лыжи и пошли в конец села, к дому колхозника Королькова. Хозяин рассказал про двор, поднимал, приглашал поваленные жесть забора. От стога сена осталось темное пятно на снегу да разметанные, разные клочки воркут двора.

— Вот, — сказал Корольков, — беда, начальники! Без кормов остались. Помолчав, клонув рукавицей об руки-рукавицу, полез за табаком. — Хуже нет на краю проживай. Как глубокий снег, они меня обирайт.

Корольков в полурубке, толсто подпоясан валикеном, пухлой собачьей шапке. Он, видимо, не из крепких хозяев, не из горячих работников. И сенцо-то свое, небось, с трудом по осени насекр. Жаль стало Петрухину лохматого мужичка: «И надо же, где тонко, там и рвется»; решил с председателем поговорить: может, помощь окажет.

Пальмы жиганов в черноту, — рассказывал Корольков. — Утром видел, смотрю — кровянка. В кою-то попал...

На сенце лежали синеватые снопы, лопешками заплещены кровь, мутная, пропиощенная снегом. Разбросанно, пропадая, они тянулись через пустыни и дальше — по дороге для поселка.

Вышли на дорогу, не торопясь, заскользили к лесу. В севе редкого снега плывали ближние холмы, деревья: море немо начало стыдливо шугу, над ними косо, скудно промелькнули чайки. Все было легким, почти неощущимым. Легко дышалось, легко струились лыжи, и казалось, снежная земля чуть колышется на густой, мирной воде.

Бело-голубым столбом лыда встал впереди водолаз. По лыду стекали струи, от них отлетали пар, и гранитные глыбы на берегу, огромный рыбий обрыв, деревья вверху обросли белым, тяжким мехом сырого инея. Водолаз притих, будто задремал в холде, чтобы ворочаться и бормоча.

Здесь крохе еще не застыли. Кровь еще не застыла. Старишина кинул в воду, было сильно выпотопан и забрызган кровью снег; в копоти и вони стала гуска лужица крови. Старишина тронул ее палькой. Кровь еще не застыла.

Добьем коняги, а? — Старишина кинул на распадок, куда, исчезая, втягивали широкий след табуна. Шашлык сострелялся?

Сильные оттолкнувшись пальками, Петрухин побежал к распадку, и с ходу, без передышки они взяли кругой, рыхлый подъем. Остановились на горе головы. Здесь почти не было снега, кони до черной земли выбили, съели траву и корень. Зато дальше начинились заносы, снег лежал буграми, застругами, провалами. Частые ветры крутли, пересыпали снежный песок в эту пустой котловине.

След табуна тянулся наискось, к лесу на отломок склоне вулкана. Где-то там, в его бурных трещинах, обитали зимой кони: возле дымящихся фумарол, горячие родники оставляли клоочки талой земли.

Одышка усилилась, покурили. Поплыла гуськом: впереди Петрухин — он был полече, скользил почти поверху, без «нирков»; позади — Манасок, сопя, утрамбовывал лыжни. Шло сбоку трудной дороги табуны. Было видно: кони провалялись по брюхо, передвигались прыжками, часто отыхались: заносы, снега, погоды, солнце, ветер, снега, солнце, погоды.

Уже четко различались: головы ветви лиственниц впереди, когда Петрухин увидел горе на опушке леса табуна. Кони стояли, сбившись в кучу, над ними висел легкий дымок, спины мокро занавеяли. Старишина снял с плача винтовку, передернул затвор.

— Опусты, — сказал Петрухин.

Свежее снега, в глухой тишине табуны близко подступили их. Заметив вдруг, перепуганно всполошился, скрзываясь, помяя ветви и кусты, разом отвалился в лес. На вытоптанной опушке остался рымий конь; шел у него была вытнута, голова лежала в снегу. Приблизил шаги, пошли рядом и, прежде чем успел о чём-либо подумать, понял: это Сказка!

Осторожно подступил с двух сторон, остановились.

Чутьем, слухом. Сказка уловила тревогу, кинула головой, повела черным, зло пыхнувшим глазом. У нее чаще заходили бока, нервно запрядали уши. Из горячих ноздрей ударили в снег длинный, горячий выдох. Но больнее у нее не хватило сил. Она опять замерла, и только пугливо, судорожно передергивалась на боках коня.

— Жеребая, — сказал Манасок, тронув палькой живот, — жеребенок бывает.

Петрухин смотрел на жилюсто вытянутую шею Сказки, полузакрытый глаз, на склонную огненно-рыжую гриву, мокрый, дымящийся паром круп, видел яркое пятно крови возле передних ног и растерянно молчал. Он не видел в сапогах кезаков, вот и не знал, откуда пришли. Кони, как в сне, спали в лиственницах. И незадолго возвесе ложить, пусть живет на свободе, водят табуны, пасутся в бамбуковых долинах, — но нее надо смотреть издали, приезжать и смотреть. Потом вдруг он понял слова старишины: «Жеребенок бывает...» — подумал виновато: «Умрывает» — и быстро сказал, слепо противясь:

— Да виноваты.

Столп он приставил к уху — вздрогнувшему, отпринювшему, — глянув на вершины лиственниц, наехал на спусковой крючок.

Вистрала он не услышал: просто охнул лес, осыпал с ветвей снег, далеко в горах грустно отозвалось эхо, и над лунно-чистым конусом вулкана косо завалился желтый серный дым.

УЧИТЕЛЬНИЦА УЧЕННИКИ

Фото
А. ЛЕХМУСА

Тания, а точнее, учительница русского языка и литературы 11-й школы рабочей молодежи при Можайском заводе малотяжелых автомобилей Татьяна Павловна Огурцова, поставила меня в тупик первой же фразой нашего разговора:

— Хочется уйти из школы.

— Вы хотите бросить школу?

Это было неожиданно: Татьяна Павловна — одна из лучших молодых учительниц школы.

Не подумайте, что совсем. Пренебрегаю я пять лет. Почти полторы тысячи дней — уроки, работа над методическими пособиями и литературой «по программе», советы, общественная работа. Конечно, и опыт приходит и знания углубляются. Но этого мало. Как бы вам сказать, варимся в собственном соку. А учитель, по моему убеждению, должен широко знать жизнь и даже поработать в какой-то иной области, чтобы рабочий практик не стал высохшим забором. Вот и хотелось бы года на два уйти из школы.

Мы сидим в пустом классе, за столиком, и Татьяна, невысокая, худенькая, с задумчиво-грустным взглядом из-под очков, вспоминает...

Она пришла в школу с институтской скамьи. Дала легкий, как считалось среди педагогов, пятый класс, но легче, чем другим, ей было: первое знакомство с учениками очень разительно по развитию, подготовке и восприимчивости узаконило первые самостоятельные уроки, когда перед каждым громко стучит в дверь: не провалиться бы...

В середине учебного года работала прошла. Стала вести уроки и в шестых, и в седьмых, подолгу рылась на библиотечных полках, чтобы потом вывести учеников за рамки школьного учебного плана. Иногда на уроках сама читала стихи. Не положено по программе тратить на это драгоценное время, но

е хотелось, чтобы Лермонтова школьники полюбили так же, как и она, так же почувствовали прелесть каждого слова...

Четвертый учебный год началась преподавательницей девятых классов и классной руководительницей. Радовалась: впереди интересные уроки, споры с поваро-слесаревыми учениками. А класс попался, ой-ой, какой! Почти все — подростки шестнадцати-семнадцати лет, выросшие в «дедовскую школу», второгодники да самые отчаянные. Какие уж тут дискуссии! Не хотелось лягти на урок. Так прошла первая четверть. И Таня поняла, что начальца нужно создать коллектива. А для этого узнать о каждом, какое, что, конечно, не раскрывается на уроках.

Когда родилось взаимопонимание? Может, с первой лыжной вылазки, когда узнала Таня, что Витя Шашкин, к примеру, страстный любитель и знаток кино, а комсорг Володя Рогозу, члену оперетра-

да при Ждановском райкоме комсомола, приходилось с друзьями головами руками «брать» вооруженных ножами бандитов?.. Увидела, что тот, кого в классе уважала за дисциплинированность и добросовестность, оказался эгоистом и белогоркой, а другой, круглый троекач и порой грубиян, — отличным товарищем, добрым и толковым. И главное, сдалась в уговорах электрическую утюговщину и чеченики, а вернулись в город товарищи...

Иногда Таня попытки разстроить ребят, заглянув под маску часто наилукского равнодушия разбивались о незнание многих элементарных вещей. Когда она принесла в класс пластиники с записями валсов Штрауса, Первого концерта Чайковского и провела музикальную викторину, никто не мог назвать ни автора ни названия произведения. Через несколько дней в те же мгновения внимательно вслушивались. Потом ходили слушать оперу. Мно-

гие — впервые. Род интерес ребят к музыке, истории ее создания, биографиям композиторов.

...Год спустя в обиходе теперь уже десятиклассников появилось хорошее слово «традиция». Традиционными стали лыжные походы, просмотр кинофильмов и спектаклей, беседы о животных и часы поэзий, тематические вечера. Меньшою стала в классном журнале, мониторе пометка «+6» — не был на уроке.

Таня вспоминает, сколько трудов стоило добиться, чтобы на уроках не пустовали парты, как приходилось некоторым мальчикам по разу доказывать, что «ученье — свет...» Она на общественных началах занимает должность заместиеля директора школы по воспитательной работе, отвечает за учебу молодежи цеха сборки Московского завода малолитражных автомобилей.

В отчете на педсовете результаты

ее работы измеряются количеством просмотренных спектаклей, кинофильмов, проведенных тематических вечеров, часов поэзии, музыки, живописи. Но как измерить порой незаметные, порой очутимые сдвиги в не устоявшихся еще характерах учеников преподавательницы Татьяны Павловны Огурцовой?

В. БОЧАРОВА

НА СНИМКАХ:

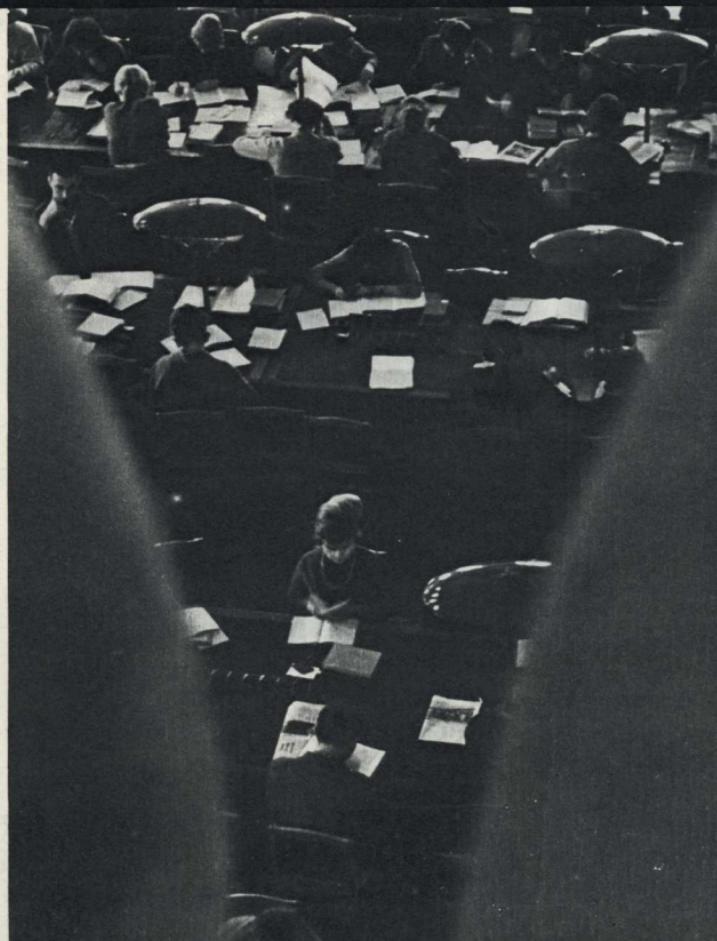
— Запомните!

Учителяница — частый гость на заводе. С ответственным за учебу молодежи Вячеславом Слуцким нужно поговорить и о работе учеников, и о предстоящем заводском вечере, и о прогулщиках...

На выставке

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Наши корреспондент обратился к академику Валентину Алексеевичу Каргину с просьбой поделиться с читателями мыслями о проблемах нашего высшего образования.

ВОТ ЧТО

РАССКАЗАЛ

В. А. КАРГИН:

— Дилетантское вмешательство в вопросы образования нанесло ему явный вред. К счастью, от недавних непродуманных реформ мы сейчас фактически избавились. Но хочется подумать о дальнейшем пути. Я не претендую на глубокий анализ всей проблемы и тем более не даю рецептов. Хочу остановиться на некоторых, с моей точки зрения, важных вопросах.

Существует убеждение, что учеба в вузе — роскошь, право на которую надо заработать. Это убеждение выражается в том, что от абитуриента требуют трудовой стаж. Но ведь право на учебу даже не ставят в same упора. Учеба — это подготовка специалистов сам по себе недостаточный, но удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляются сегодня студенту. А усугубляется положение еще и тем, что за время работы по производству багаж знаний, которые дает школа, теряется. Это явление — почти закономерность.

С какой основой приходит молодежь в наши вузы! Привыкнув в школе, что нередко за урок, выученный наизусть, ставят пять, а за изложенный со своим мнением — один, абитуриент ожидает не вспомогательных экзаменов, когда задаешь ему несколько вопросов, которые, кроме знаний, требуют и сообразительности. Однако при наших правилах и практиках приема зачастую именно «зубрила» попадает в вуз, а юноша, который что-то забыл, но сообразит умеет, может остаться за дверями университета, не добрая, скажем, очка.

Вот у нас на кафедре работает

школьник, работает просто потому, что влюблен в химию. Я могу с уверенностью сказать, что не него берут все данные, а он сам берет их. Но утверждать, что он пройдет по контуру, я могу. Тройка по сочинению — и ему не хватило решившего очка.

А отбор можно вести не формально. Возможно, нужны собеседования: человек, который успешно прошел его, получает, допустим, дополнительную два очка.

Я уверен, написать инструкцию, которая предусмотрела бы все ситуации, возникающие на экзаменах, нельзя. А вот если бы университетские преподаватели бывали в школах, они могли бы найти ученников, которые нужны вузам. Такой опыт на некоторых факультетах уже имеется.

Но тогда педагогическая в школы и собеседования решат полностью проблемы отбора. Может быть, нужно набирать на первый курс чуть ли недвадцать больше студентов, потому что только через год, не раньше, преподаватель может сказать, из кого выйдет, а из кого не выйдет научный работник. А сейчас половина студентов мы практически тщем за уши. Это не просто плохая половина, это половина, которая снижает общий уровень подготовки.

Но только ли средняя школа виновата?

Общеизвестно, насколько в последние десятилетия вырос объем знаний, полученных в результате изучения естественных наук. Как результат — разбухли и учебные программы. Теперь, чтобы усвоить все, что требует программа, надо обладать либо фантастической памятью, либо практическими неограниченным резервом времени. Сейчас же студент, сдав предмет, тотчас его забывает — срабатывает биологическая защита. Нужно обходиться свободно от новых знаний.

Как же появились такие перегрузки? Науки все время дифференцируются. Возникают новые отрасли и направления. Представители каждого требуют, чтобы их направление было достаточно времени для изучения. Требования вполне справедливые, но они просто не учитывают физических возможностей студентов. А товарищам из министерства кажется, что студент может выучить любой объем запланированных предметов. Посмотрите, что происходит на наших факультетах. Растет объем специальностей, добавляется эзэм, раздуть программы общественных наук, как результат — на химическом факультете университетской химии занятое место становится, что даже дипломникам, имеющим отличные оценки, плохо знают свою науку. Кого же мы готовим в конце концов?

Мне кажется, необходимо трезво подойти к программам. Мы на кафедре мечтаем через год выпустить отдельный поток и строить его программу, учитывая, что студентам предстоит заниматься полимерами. А пока специализации проходят на четвертом курсе. До этого мы учим химию вообще.

Хочется сказать о нашем огромном контингенте вечерников. На мой взгляд, это в большинстве отряд несчастных людей. Невозможно, откуда родились представление, что человек после полного рабочего дня может еще как следит заниматься. В результате, учитывая, что эти люди, которых нехотят берут на работу. Ведь, как правило, багаж знаний у них намного меньше, чем у тех, кто окончил дневное отделение.

Это только на первый взгляд здорово: если работает только рабочий день и учиться. Но ведь диплом не негатив за хорошее поведение, а документ, говорящий о сумме знаний. Вероятно, вечернее обучение оправдано только для небольшого контингента и отдельных узких специальностей.

И еще об одном. Сейчас в науке один человек не может сделать ничего. Каждый год наука требует все больше и большие способных людей, объединенных в коллективы. Поэтому не стоит полагать, что ученые — это приток способных людей, их надо настойчиво искать, заботясь о том, чтобы выращивать. Но научный коллектив не просто сумма способных людей,

а другую работающую объединение. Поэтому, отбирая ученников, мы учим не только профессиональные способности человека, но и его человеческие качества. Понятно, что ходящего ученника не найдешь через отдел кадров.

И, наконец, нужен тесный контакт между научно-исследовательским институтом и вузом. У нас есть закон, запрещающий совместительство, а оно совершенно необходимо. Вот что показывает мой личный опыт. Сорок лет я работал в Институте Физики МГУ, а в то же время тридцать — десять лет по совместительству заведую кафедрой в МГУ. За сорок лет работы только в карловском институте я отобрал меньше способных лю-

дей, чем за последние десять лет, когда я работала в институте и по совместительству в МГУ.

Запрещение работать по совместительству сильно ударно по вузам. Из вузов ушли люди, наиболее заинтересованные в научной работе. Сейчас наш министр старается ограничить применение этого закона, но юридически его никто не отменял. А ведь его существование означает осуждение естественных связей между вузами и НИИ.

Также, очень интересны проблемы подготовки научных и технических кадров. Думаем, что разговор о проблемах высшего образования, который начинает «Смены», может оказаться полезным.

Н. ТАЛЬЗИНА,
заведующая кафедрой
педагогики МГУ

ТРИ УЗЛА ОДНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Ле не обсуждают вопросы обучения — в троллейбусах, на страницах газет и журналов, в студенческих общежитиях, на родительских собраниях, на научных конференциях и съездах. И многие родители жалуются: дети перегружены. Учителя старших классов упрекают начальную школу, высшую школу, предъявляя счет средней, а конструкторское бюро, заводы — твой и другой.

Одни причины неудач видят в том, что студенты устали легкой жизнью, другие — в обязательном изучении слишком многое в области методов, а другие утверждают: реформы ни к чему. А некоторые решают: разговоры о недостатках школы, методов обучения вредят и мешают. Идеи, что надо менять, надо менять. Ведь наша система образования самая передовая, самая совершенная?

Правильного! Причем признают это не только наши друзья, но и врачи. И все-таки не обсуждают проблем физического интереса к нам неслучайно. Он симптоматичен, и отмажнуться от него нельзя. Человек, который не интересуется природой XX века, обучение стало предметом всеобщего внимания, надо понять особенности нашего века, понять его требования и человеку.

Развитие науки и техники привело к тому, что человеку нации днешней требуется гораздо больше знаний, чем поколениям, жившим спокойно, даже пятьдесят лет тому назад. Одним из явлений этого является то, что в школе должны учиться. А школы не спрашиваются с ним. Известный математик Хинчин, например, в 1939 году писал, что средняя школа дает математическое образование, которое в основном находится на уровне математики XVII—XVIII веков. Большинство последующих ее достижений остается школьниками неизвестным. С таким же основанием можно это сказать и сейчас, и очевидно, не только о математике.

Может быть, нужно просто расширить школьные и вузовские программы? Но ученики начальных классов учатся работать с бумагой, писать, читать в день учащихся пятых — восьмых классов — девять—девять часов. А у взрослых семинарской работы нет времени.

Может быть, увеличить сроки обучения? Нет, конечно, не на среднем и высшем образование, а на начальном.

А быстрый темп развития науки и техники приводит к тому, что полученные знания очень скоро устаревают. Следовательно, их надо не спешно обновлять. И задача школы не только дать сумму знаний, но и научить человека самостоятельным и рациональным методом добывать новые. Общеизвестно, что и этим школы не справляются.

Таким образом, в самом ходе общественного развития создалось объективное противоречие между сложившейся системой обучения и задачами, стоящими перед обществом. Так, возникло недовольство существующими методами обу-

чения, широкий интерес к проблемам обучения.

Нужно найти правильные пути, чтобы разрешить это противоречие.

Последнему увеличению срока обучения, удлиняющему время обучения, надо оставить единственный путь — качественно изменить сложившиеся методы и форму обучения. Но в данном направлении не хватает усилий. Идеи есть, но не хватает попыток изменить сложившиеся веками лишь уходит полонемен?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо проанализировать основные «узлы» этих проблем.

«Узел» № 1 — содержание обучения.

Правильно ли отбрано то, что, скажем, учить, можно ли не изменять существующие способы обучения? И если это осознанное, то почему же этот вопрос отрицательно. Учебные дисциплины построены по историческому принципу: они в значительной мере повторяют историю науки. Наука идет вперед, понимание науки принципиально меняется, а в учебных предметах это передко приводит всего лишь к механическому добавлению еще одной главы.

Бурное развитие атомной физики, открытые новые закономерности миропорядка не освещены новым самым традиционными разделами школьного курса, в нем просто повторяется то, что было вчера. Эти закономерности, эти науки. И нельзя не согласиться с требованием учитывать при построении учебного предмета прежде всего логику современного научного знания, а не то, что было вчера. Использование новых принципов, раскрывающиеся в конкретных фактах, как частные проявления этих принципов.

Эти принципы должны быть и для школьников, и для вузовских программ. В технических вузах находит вид электронных вычислительных машин, науки о ядерной энергии. В результате, например, по разным видам этих машин говорят фактически на разных языках. Специальность — давний облик техники, ее название, ее номенклатура, ее типология, ее полное название, а также ее назначение. Задачами основных дисциплин, конструктирующих все здание предмета, позволяет освободить предметы от перевозки их частностями, а учащихся от заучивания бесконечного ряда конкретных фактов.

Мы призываляем, что в географии заучиваются сотни названий гор, городов и рек, а в истории — вереницы имен и дат. Но, может быть, настало время подумать, правильно ли это? Не рационально, что в школе учатся наизусть, что учащимся, чтобы понимать специфику того или иного периода истории, а перечень названий, имен и дат надо сортировать? Тем более что исторические названия и исторические даты легко могут быть найдены в соответствующих справочниках.

Учебные планы, программы, списки обязательной литературы составляются без учета реального времени студента. Подсчет показывает, что по некоторым специальностям студент обязан пропортировать только первоисточникам более 300 страниц в день. Ясно, что студентам придется жертвовать этим временем.

В многих учебных заведениях количество считать, что на каждые два аудиторных часа студентам в среднем необходимо два часа для самостоятельной работы. Если согласиться с этим, то получается, что мы имеем в среднем 10 аудиторических рабочих дней. Не много ли? А санаторно-диагностическая рабочая день существует всего несколько, поэтому и они имеют и учащиеся старших классов школы.

Создалась удивительная, парадоксальная позиция: с одной стороны, страшная перегруженность учащихся, острый недостаток времени, а с другой — узаконенное его разбалансирование, ежедневное, ежечасное. Где же выход? Многие видят его во введении свободного посещения. Но вернемся, если это и выход, то только для взрослых. А что же делать в школе? Во-вторых, надо еще доказать, что это выход, да к тому же и наилучший.

А почему не пойти по другому пути: увеличить число обязательных занятий, чтобы уделить им высокодоступными? Сделать так, чтобы в аудиторные часы студент не материалы готовил для будущего их изучения, а систематически работал над ними. Кто доказал, что самостоятельная работа студентов вне аудитории более продуктивна? Найтесь, есть все основания считать, что систематическая рабочая в аудитории, где всегда есть возможность получить от преподавателя консультацию, задает ему вопрос, более эффективна.

Мы уже слышали возмущенные голоса: «Вы предложите упомянуть лекционные курсы? Нет, мы предлагаем возвращаться к старинной традиции — разрушить порочную традицию, по которой считается, что чем важней курс, тем больше на него выделяется времени, а значит, и часов. Больше работать над курсом — согласны, но не больше слушать, что не одно и то же. Сначала слушают, а потом работают над курсом».

Но это не совсем верно. Всего в 300 часов на наш взгляд, настало время пересмотреть требования, которые сейчас

придают ей вторичный характер. Не секрет, что в большинстве мест лекций ведутся не то что можно прочитать в учебнике, там не экономят время на работе по учебнику! Небесспорено вспомнить, что говорят в своем вступлении о чтении лекций Л. Г. Толстой: «Почему я говорю о чтении лекций? Да потому, что я считаю, что если читать лекции, то не студентам в руки хорошую книгу, свою или чужую, одну или две или десять хороших книг? Поэтому, в самом деле, не дать?

Конечно, полностью лекции снять нельзя. Но паре на жизнь надо дать только такие лекции, в которых дается оригинальное освещение проблем, сообщаются новые данные, еще не успевшие войти в учебники, а иногда и вообще еще не опубликованные. Такие лекции нужны, но и они могут быть эффективны, только когда студент может не просто следить за логикой изложения профессора, а думать вместе с ним.

Если бы из 300 часов студент 250 работал по руководству преподавателя над курсом по учебнику, то он мог бы изучить 100 часов учебного материала, а 50 часов слушал лекции, то результат, бесспорно, был бы лучше, чем при равномерном распределении часов на самостоятельную работу студентов и на лекционную, порядок чередования которых определяется логикой изложения в каждом конкретном случае по-разному. Но исходя из необходимости обеспечить систематическую, активную работу учащихся над курсами.

Но и это не все. Существует третий «узел» — управление обучением. Пока система обучения плохо управляет. Как известно, эффективно управлять процессом можно только тогда, когда управляющий получает систематическую информацию о его ходе. Лицо, призванное управлять учебным процессом, — преподаватель. Как известно, школа должна получать сведения об успешности изучения предмета в лучшем случае несколько раз в четверть. А в лучшем случае раз в год. И получается, что с преподавателями в значительной мере снята ответственность за качество конечного результата.

Об особенностях этого выступает в ауд. Если студент плохо знает предмет, то преподаватель и в голову не приходит, что за это в ответе должен быть он. Все видят только студента. Да и в школе, если ученик плохо отвечает на вопросы, преподает его, что он плохо работал дома. О рабо-

те преподавателя судят обычно по тому, как он выглядит в первом уроке. Таким образом, склонность традиции, по которой преподаватель отвечает только за «вход», если говорить языком общеобразовательного. Правильно ли это? Думаем, что нет. Он обязан обеспечить эффективное изучение материала, и это полноценное усвоение его. Но для этого необходим систематический контроль за изучением материала каждым учащимся. При существующих методах обучения это несущественно.

Нерациональный расход времени, недостаточная система управления, практическая отсталость на практике давно. И не случайно творческий поиск первооткрывателей учителей идет прежде всего в этом направлении.

В этом же направлении идет и программируемое обучение. Оно линкируется под серийные недостатки, характерные для системы традиционного обучения. Прежде всего учащиеся при таком обучении систематически работают с материалом. Кроме того, программируемое обучение обеспечивает постоянно действующую обратную связь, то есть дает возможность получать и учащимся и преподавателю систематическую информацию о ходе обучения. Идея такого разговора о программированном обучении это идея отдельной статьи. Пока в этой новой области применения кибернетики делаются лишь первые шаги. Как всегда, они дают не только успехи, но и неудачи. Но с уверенностью можем сказать, что из горами то время, когда общая теория управления будет успешно использована для программирования человеческого мышления.

Значит ли это, что уже сейчас надо немедленно разрушить традиционную систему обучения? Нет. Это было бы большой ошибкой. Создание новых, более эффективных форм обучения требует оптимальных путей управления обучением не только без широкого фронта исследовательских работ. Рационализация отдельных звеньев, как показывает практика, возможна уже и сейчас. Коренная же перестройка методов обучения — дело будущего. Жизнь настойчиво требует этого, и мы должны спешить, но спешить меленно, тщательно обосновывая каждый шаг на этом пути.

Как видно, человеческое сознание, машинальное все время опирается и опглядывается на уже знакомые вещи. И вся классическая физика — особенно выразительный тому пример. В течение двадцати веков она развивалась на основе уже установленных и изученных моделей, образов, аналогий. Если же вновь всплыло новое явление, для его объяснения создавались модели или схемы, или члены. Реалистичные и конкретные они со времен Декарта считались лишь то, что можно изобразить посредством фигур и движений.

И вдруг в конце XIX века случилось непредвиденное. Максвелл вырвал физику из мира наглядных представлений и вверил ее в мир чистой абстракции. Он сказал, что вся Вселенная пронизана электромагнитным полем, и зависила от его свойств помощья математическим и зависимым от него уравнениям. Но парадокс заключался в том, что даже через 20 лет после создания новой теории электричества в ее лицах проникли лишь немногие физики. Остальным она оставалась чуждой. И даже в наши дни, когда учеными давно освоили максвелловский математический аппарат, все равно никто из учеников не может ответить на вопрос, что же такое электромагнитные волны.

Людвиг Броунинг в своем романе «Дом в деревне» писал: «Современные представления не могут служить основой для понимания этих электромагнитных колебаний, которые не сводятся к классическому и наглядному представлению о колебаниях материального тела. Висящие в пустоте, если можно так сказать, они выглядят для непосвященных (а может быть, даже и для физиков) чрезвычайно таинственными».

Что же это за таинственные колебания? Ачиновники Максвелла Они не могли понять гениального открытия и поэтому, что они не поклонились впрочем, многочисленным традициям и идеалам на механических движениях и силах.

Величими, изображающими в математической аппаратуре Максвелла электромагнитные поля, не могли быть выражены никакими моделями и были крайне абстрактны. В арсенале своего мозга ученики не находили опоры для понимания этих абстрактных величин, не могли почтывать их физического смысла. И самое курьезное в этой исто-

рии Броунинг считает, что таинственность, которая не существует.

«Нет, — говорит он с надеждой, — с абсолютной уверенностью утверждать, что изобретавшая науку возвратится в один прекрасный день подобно тому, как она родилась, — это было бы ошибкой».

Сейчас еще неизвестно, в каком направлении пойдет развитие физики элементарных частиц у нашего поколения. В любом случае есть свою излюбленную доктрину. Может оказаться — это было историю науки, — что направления, которые начнутся в науках, синтезируются в единую общую картину.

И в этом скажутся смысл и сила человеческого индивидуальности. Продолжаясь в разных направлениях, они способствуют выработке единой картины мира. Оправдая, обогащая, дополняя друг друга, они открывают человечеству мир во всем его разнообразии и сложности.

Как же воспитывается человеческая индивидуальность? Как возникают мощные интеллигенты? Однажды скажут: их воспитывала школа, они познали благодаřeи современной системе образования. Но другие скажут: не благодаря, а вопреки. Все системы образования рассчитаны на среднего индивидуума. Да и как может быть иным подходом у педагогов, перед которым сидят 30 учеников? Но и среди них не отыщется воспитывающий его педагог и не усвоит не все, что отведен ему по программе.

Возникает противоречие. Для аэростороннего развития человеческой личности, насыщенного, нутряного индивидуального подхода. И в то же время с помощью педагога и обычной системы образования осуществить это невозможно ни технически, ни принципиально. Где же выход?

Итак не менее обойдем сейчас этот тупик. Допустим, что мы нашли возможность индивидуального подхода к каждому ученику и можем при-

ступить к развитию его личности. Мы хотим научить его грамоту работать так, чтобы мысль его стала сравнима с эйнштейновской, если мы хотим сделать из него гимназиста, бетховенского, если мы готовим гимназиста к жизни, если наша задача — воспитать глубокого, всестороннего философа и общественного деятеля.

И опять перед нами тот же вопрос: как формируется человеческое мышление?

Тут мы вступаем в ту область человеческих знаний, где встречаются одни лишь вопросы. Это целина, на которой ученик еще предстоит возвести прекрасное здание, один из самых важных наук — науки о мышлении, о психике, о самом тонком инструменте, созданном природой, — о человеческом мозге.

Вы спрашивается: как формируется человеческое мышление? На основании знаний образов и аналогий, говорят психологи. Профессор Н. И. Жинкин любит в ответ на этот вопрос промзинуть: «Нет, это не так». Но это неизвестно-нибудь очень длинные и очень мудреные названия, например, «дезоксирибонуклеиновая кислота», и предлагает:

— Быстро повторять!

И, видя беспомощность собеседника, смеется:

— Вот видите, не можете. Вам нужно время для того, чтобы сознательно, или, может быть, не отдавая себе в этом полного отчета, находит в новом слове знакомые черты, расчленять его на известные уже части. Итак, в первых слогах вам придется вспоминать, что это за кипр, что за кипарис, ага, запоминать. Дальше что-то вроде «кинуклада», «клиента», затем «кофтола», и вот путь к освоению нового названия найден. Только после такого анализа вы можете понять и запомнить.

А ведь правильной! Я стала вспоминать другие случаи, и, действительно, такой механизм запоминания и усвоения называемый именем, слов, номером телефона оказался для меня органическим.

То, что человеческая психика настроена на стабильность, усвоение старых структур, подтверждается всем ходом развития науки. Изучая электричество, учёные опирались на свойства индукции, а не на свойства проводников. Их интерес простирается сказы песен, легко пересить и тому, как электротруба просачивается между этими ветвями, как проводка выходит из электрического тона. Заноны движения жидкостей входят в основу расчетов электрических проводов.

рин то, что сам гениальный Максвелл не осознал полноту того, что совершил, и тоже ломал голову над созданием подходящей модели?

И такую штуку формулы и уравнения играли с учеными не раз. Они уводили их в глубины «противоположности» мироздания, и впереди стояла судьба. Так было с Дираком в 1928 году, когда созданное им волновое уравнение поднимало ему переднее антическое крыло и вело к первому ядерному взрыву, а также к атомному оружию.

Так было с Максвеллом. Планетарный в 1860 году увидел формулу, трансформирующую процесс передачи энергии от нагретого тела в пространство не сплошным потоком, наименуя речи несут свои воды в океане. Но это было неизвестно никому, кроме Квант энергии стал наименее путальным, до конца непонятным ни Планетарий, ни другие ученые.

Что же это было? Известно, что эти математические формулы существуют независимо от нас и живут собственной разумной жизнью, что они сами не могут доказать свою правильность, мы извлекаем из этих формул даже больше того, что было в них заложено вначале! — так выразил свое мнение Генри Гамильтон, один из первых, кто начал подтверждать реальность знаний четырех уравнений Максвелла.

Итак, разум человека, вторично в мир абстракций, где не всякому понятию можно было привести подтверждение, начал прорываться в умственную область в виде известных образов, аналогий, моделей. Квантовая физика увела ученых из мира подозрительных вещей, мира, где наученные предметы можно было увидеть, употребить или представить. Что же удивительного в том, что даже величайшие физики ходили в тумане? Их увлекали идеи, введенные в «Квант в после обсуждении предпринимал прогулку в соседний парк, передал мной слова и снова возникла попытка убедить меня, что я не могу отбросить эту абсурдную, какой она представляется перед мною в атомных экспериментах».

Шредингер, король физики, был приведен к сокращению названия «квантовые скачки», и я жалею, что вообще имел дело с квантовой теорией.

И снова вопросы: Как же расчитывают себе места в мозгу человека новые идеи? Как лучше учить им новые поколения? Надо ли начинать от царя Города, учить все то, что учили отцы и деды? В последнее время все большие учеными высказывается за то, что начинать надо не с арифметикой, а с алгеброй. Чтобы обучать новой, квантовой физике, надо ли ученику проходить то же самое, что прошло через него? Или это можно сделать так, чтобы, вспомнив мышление на старых образах, на деревенских положениях алгоритмирования новых идей по следованию фигурам и движением, мы искусственно сдадем трудности, от которых могли бы легко избавить новые поколения? Не должны ли ученине в курсе пересмотреть методы и порядок преподавания физических дисциплин? Нужно ли подводить учеников к новой физике, обобщая ее с помощью старой, классической? Или это можно как-то иначе? Или не следует на то, что теорию относительно, квантовую физику ученым первоначально с трудом, физики уверяют, что со временем основные идеи квантовой механики можно будет обучать школьникам. Они станут вполне привычными для широкого назначения.

«Преподавание квантовой механики» — рассказывают дайсманы в своем «Введение в квантовое физическое мироустройство и пособие по изучению квантовой механики». Студент начинает с того, что «если обучение квантовой механики было мало старой, классической физики, то это не только как-то несправедливо, но и то, что теорию относительности, квантовую физику ученым первоначально с трудом, физики уверяют, что со временем основные идеи квантовой механики можно будет обучать школьникам. Они станут вполне привычными для широкого назначения».

«Преподавание квантовой механики» — рассказывают дайсманы в своем «Введение в квантовое физическое мироустройство и пособие по изучению квантовой механики». Студент начинает с того, что «если обучение квантовой механики было мало старой, классической физики, то это не только как-то несправедливо, но и то, что теорию относительности, квантовую физику ученым первоначально с трудом, физики уверяют, что со временем основные идеи квантовой механики можно будет обучать школьникам. Они станут вполне привычными для широкого назначения».

В №№ 14—15 «Разговор о любви» открылся дискуссионный клуб «Слышь! Люблю!». Статья М. Карапетяна, А. Городнянского, Г. Гагарина опубликованные в журнале, легли в основу дискуссионного сборника «Слышь! Люблю!», который подан к печати в издательстве ЦК ВЛКСМ. Редактором выступил кандидат физико-математических наук, профессор Ю. Благородников, редактор этого сборника В. Благородников рассказывает:

— Молодежь все настойчивее требует от нас серьезных, глубоких, познаний, которые бы писатели, философы, социологи, художники говорили о самых актуальных проблемах нашего времени. Издательство «Молодая гвардия» привнесло в выпуск такого сборника, где подает разрозненные материалы о формировании характера молодого человека, о становлении личности, о принципиальности и чистоте чувств, о формировании нравственных норм. Юрий Казаков и Семен Батрик Марк Головинский, большая

группа молодых критиков. Все они уже включились в работу.

Вслед за сборником «Слышь! Люблю!» общественность, что одновременно с серий дискуссионных клубов, организованных в городах и селах страны, родился дискуссионный клуб «Смени!». Будем работать и вперед будем работать. Пусть

длится месяцев шесть или даже больше. Потом совершенно неожиданно наступает третья стадия. Студент говорит самому себе: «Понимаю квантовую механику, но не могу ею пользоваться». Трудно сказать, почему казались этими непреодолимыми, такие же, как и в первом случае. Но факт тот, что он научился думать непосредственно и бесконечно на языке квантовой механики и больше не пытается объяснять все с помощью доконцепционных понятий.

И ту я невольно обращаюсь мыслью к рабочим советским гигантам — Ленинграду, Галлеренко, Таллинну и другим. Не это ли они имеют в виду, когда предлагают свой метод «подведение под понятие»? Они говорят: да, твоим обучением еще нет, теории мышления нет, и может быть, потребуется еще сотня лет, чтобы людям стали понять наши законы человеческой психики. Да, несомненно, в своем движении человеческая мысль опирется на известные образы понятия, но мы не знаем, как они образуются. Поэтому важно найти метод, вывести из-под понятия.

Они предлагают метод, состоящий из целого ряда умственных действий, с помощью которого они вырабатывают в сознании ученика нужное понятие. Пусть это будет понятие «перспективно-диагностический» или «параллельности» или «асимметрии»; пусть это будет понятие «имплицитант»; пусть это обучение пытается дробить или обрабатывать детали на стакне, анализ предложений или анализ художественного произведения, — во всем этом есть что-то, что предполагает составлять программы, чтобы последовательный ряд умственных действий, в результате которых (вначале пытаясь безсистематично), ученик находит и безошибочно уясняет понятие. Психологи этого направления пробовали такой метод обучения в некоторых школах, и оказывалось, что и он способствует не только повышению успеваемости, но и экономии времени в два раза!

Пока трудно сказать, насколько такой метод обучения может быть универсальным (кстати, этот метод может быть применен к программам: одни программы стараются, другие — не понимают); одни обещают им вымысел во времени — это уже существенно. А ведь длительное время обучение в школах и вузах — это драматическая проблема современности. Темы развития науки так высоки, что объем научных работ каждый раз летает ввысь. И это настолько несвоевременно со временем обучения в вузах, что окончательно это будет вовсе не то, что делает научная система, а то, что учатся учащиеся в тех областях знаний, в которых они собираются работать.

Как скратить время обучения? Вот еще один трагический вопрос, оставшийся пока без ответа. И то, что психологи предлагают пусты спорный, не всеми разделяемый метод обучения, обещающий скратить срок учебы, очень обнадеживает. И еще один момент: они работают над новыми программами обучения, над алгоритмами, умственными действиями, которые должны улучшить обучение для каждого начинания.

Говорят об обучении, нужно помнить, что все большее количество людей включается в поиски. Если появление Эйнштейна в начале XX века было радикальным исключением, то на фоне большого количества физиков-теоретиков рождение нового языка — гордо более вероятное явление, чем появление науки.

Я бы сказала, даже не знаю, в гипотезу, что вспыхнут массовые поиски, и вспыхнут полностью разные виры системы образования, которую избраны в качестве в наше бурный научный век. Мы остановились на некоторых особенностях формирования науки физических идей потому потому, что, пожалуй, самая революционная, самая сложная наука современности, которая за последние полвека готовится к новой ломке, представить не можем.

В №№ 14—15 «Разговор о любви» открылся дискуссионный клуб «Слышь! Люблю!». Статья М. Карапетяна, А. Городнянского, Г. Гагарина опубликованные в журнале, легли в основу дискуссионного сборника «Слышь! Люблю!», который подан к печати в издательстве ЦК ВЛКСМ. Редактором выступил кандидат физико-математических наук, профессор Юрий Казаков и Семен Батрик Марк Головинский, большая

группа молодых критиков. Все они уже включились в работу.

Но ведь так или иначе все науки современности первым получают бурный рост, и то, что касается методов обучения квантовой физике, примерно к любой другой области.

А теперь представьте себе, что будущего физика обучает не человек, а кибернетическая машина. Нет, сторонники машин не претендуют на то, чтобы принять свою роль, будущим будущим ученикам предстоит самим учиться, добровольно. Они не предстают и на то, чтобы вести его мозг по кратчайшему пути к истине, по пути, который стихийно находит гени. (Такой критик создатели машины не могут ввести в программу ее действий, этого они сами не знают.) Но машина вскоре будет обладать бесценным даром, которым не обладает человеческий мозг, — бездонной памятью, вмещающей все знания, находящиеся в ее базе. И вот приходит время. Этот дар можно разбрать на рабочие программы: от самых простых, для школьников, до самых глубоких, для учеников. Машина отдает в распоряжение человека всю свою эрудицию. Она предлагает своему ученику начиная с простой программой. Она присматривается к складу ума своего партнера, его способностям, усидчивости, темпераменту. По мере обучения ученик задает машине все более и более серьезные вопросы — она передает его на все более сложные программы обучения. Ученик углубляет свою знания. Чем больше его жаждет и знаний, тем щедре машиной.

Вы скажете, что тому же может обучить и педагог. Нет, не всему. Современная наука така сложна, она пустила такие глубокие и далекие друг от друга корни, что не всякий учений знает, что делает его коллега.

И вот появляется машина, которая выпускает десятки, сотни, тысячи, да, за сотни учеников! Машина, с которой человек может перехватить знания, за короткий срок освоить десятки методов, осмысливать и применять их, сравнивать их, находить различные точечные зоны.

Но это не узко техническое значение машины, которая сейчас широко используется в качестве быстroredствующего арифметометра. В «лице» будущей кибернетической машины, ее «голове», должна быть дополнительный участок мозга со всей необходимой информацией. Но это будет не подобие спиральной линии, а кольцо, которое будет умного, наблюдательного, широко эрудированного собеседника, который следит за всеми изгибами мозга, за всеми его движениями, за всеми его всплесками, стимулируя вашу интуицию и подогревая воображение. Это будет подобие целого коллектива людей, расположенных вокруг твоего стола, помогающих тебе решить проблемы, могли бы научить мыслить более ясно и на более высоком интеллектуальном уровне.

И вот появляется машина, которая создана сейчас над созданием такой приспособляющейся к любому ученику машины. Город Паси, пишет Гайдар, — это аддитивная машина, Город Паси, пишет Гайдар, — это аддитивная машина, которая может помочь ученику наивысшим дополнительным участкам мозга, которые не могут быть включены в машину. Она как бы увеличивает ее объем или обеспечивает человеку наличие дополнительных участков мозга, которые не могут быть включены в машину. Внешне это открытие, истины потенциально заполнены в некоторых областях знания.

Конечно, машина должна открыть в голове своего ученика, что она подготовила его мозг к тому, что в нем может родиться новая идея, с помощью машины он может сделать открытие.

Пока все это фантастика. Пока такой машиной нет. Но, несомненно, такие кибернетические машины будут обучать. И разумеется, не только физике.

Уже в раннем детстве дети проявляют склонность к тем или иным сферам человеческой деятельности, и, выяснилось это, машина будет развивать их. Такое обучение будет иметь целий ряд преимуществ перед современным. Отпадет необходимость в экзаменах, так как машина будет корректировать своего ученика в процессе обучения, существенно изменяясь.

Город Паси говорит: «Педагог будет незаменим для выработки общей стратегии системы образования. Это будет человек с разносторонней подготовкой, включающей определенные математические знания. Это будет весьма авторитетное лицо, очень умное, поддающееся связи с национальными и международными организациями, определяющее общую политику в области культуры».

Уже сейчас учат думать над проблемой обучения с помощью кибернетической аддитивной машины. Пока, правда, созданы машины очень примитивные, они годы лишь для некоторой рационализации педагогического труда. Программы обучения тоже далеки от совершенства, но новый стиль обучения находит среди педагогов и ученых все большую энтузиазм. Они уже не подступают к проблеме раскрытия всех богатств, заложенных в многогранной человеческой личности.

«Слышь? Люблю!»

Сергей Ерофеев, Евгений Жуков, Юрий Казаков и Михаил Родин. Сборник «Слышь! Люблю!»

ЛЕГЕНДА? А МОЖЕТ БЫТЬ...

Недалеко от границы Воронежской и Волгоградской областей с высоким правого берега Хопра открывается широкий вид на лебоверские реки с его пугающими, посмеянными лесами и озерами, густо заросшими темно-зеленым камышом. Отсюда виден как крепкодор, все солнечные дни и ночи — цепь стоящих курганов. Колдаты на них стояли казачьи караулы. Они круглые сутки держали дозор и, заметив динес орды кочевников или карательные отряды царских войск, зажигали бочки со смолой. Днем черные клубы дыма, а ночью длинные языки пламени были знаком,

что враг близок. И обитатели казачьих городков Пристанского, Хопёрского, Григорьевского и Беляевского готовились к встрече незваных гостей.

Во время Булавинского восстания в 1708 году казаки этих городков примирились с мятежниками. Здесь для похода на Черкассы формировалась армия повстанцев, которая двинулась потом вниз по Хопру — пешни на барках и лодках, а конные полки — на берегом. Одновременно в Пристанском городе находился Кондратий Булавин. Здесь на кругу (собрании) своих единомышленников он изложил цели восстания и дал клятву, что если своего намерения не исполню, то отрубите саблей голову».

При подавлении восстания карательная армия царского правительства жестоко расправилась с населенными городками. Пристанский, Хопёрский и Григорьевский были сожжены, а казаки Беляевского переселены на Дон, где образовали станцию, впоследствии названную Трохостровской. Царское правительство старалось вытравить память о грозном восстании, но в казачьих уторах и станциях сохранились о нем легенды и предания, основанные на фактах.

Место, где он находился, известно теперь под именем Старого городища. Оно расположено на Хопре в полутора-двух километрах выше узбора Бубновского (Волгоградская область). В прошлом, по словам стариков казаков, оно считалось не то священным, не то заклятым. О нем говорили, что ли не шепотом. Вспоминали о войсковой казаки повстанцев с богатым кладом, скрытом Кондратием Булавиным в пещере подземелья подземного хода, который следил за боями Беляевского города до блэка, заросшей непротропимым дубовым лесом. Рассказывали, что лет спустя назад, а может, и больше один из боятёвцев ближней станции Михайловской сумел пробраться в тайник Беляевского города. Его пропустила стражка и разрешила взойти из войсковой казны десять червонцев. Но, войдя в кладовую, он увидел несметный богатство, не устоял перед соблазном и, чтобы не быть арестованы казаками, Хотел отмыть странку и пронести ее, но она задернула его. Обезглавленный труп жаждого богатства найден был на берегу Хопра.

Долгое время после этого никто не пытался овладеть сокровищами, спрятанными Кондратием Булавиным. Постепенно лаз в подземный ход обрушился, был засыпан землей, и указать точно место, где он находился, не могли даже старожилы. Но все же в конце XIX века в ходе поисков Трат — казак узбора Мозгового занимавший всю жизнь поисками кладов, настоящий его фамилья был Топилин, а Трат — прозвище, которое дали ему односельчане. Запасшись фонарем, кладоискатель спустился под землю. Сначала метров пятнадцать — двадцать полз он на четвереньках. Потом узкий и тесный ход расширялся и, наконец, превращался в коридор, в котором во весь рост свободно мог стоять человек. Трат, остановившись, щупальцем палькой нажал на землю и пронес ее на неметров пятьдесят, но фонарь вновь путал да так и не загорелся. Причиной, видимо, было скопление углекислого газа. К тому же стало трудно дышать. Кладоискатель, так и не дойдя до конца коридора, был вынужден вернуться обратно. Из его рассказов стало известно, что подземный коридор весь облицован камнем.

Обо всем этом узнал я еще в детстве и рассказал своему однокласснику Борису Афанасьеву. Не откладывая дела в долгий ящик, на другой день мы с ним уехали на узборье Бубновского. И начали с того, что настойчиво приялись распространять стариков о кладе Кондратия Булавина. Просили их указать место, где когда-то был лаз, через который

траг проник в подземный коридор. Но старики покачивали головами и все, как один, говорили:

— Ну что ж, клятва поничте, а ухваты лаз не можем: ведь с Тратом мы не были.

Ничего от них не добывши, мы решили действовать на свой страх и риск. Захватив лопаты, направились к Старому городищу и лазали там целый день по молодой поросли дубника и тополей, принимаясь рыть землю и то в одном, то в другом месте. И там, чисто, не нашли. Работали до полного изнеможения, изрыли чуть ли не все Старое городище, но подземный ход так и не нашли. Проникнувшись духом сомнения, пришли к убеждению, что подземного хода не было вовсе, что это всего-навсего красавая сказка — и только. Но, оказывается, мы были неправы.

Гораздо позже, в 1936 году, на Хопре работали геологоразведчики. Среди них была девушка, которая ознакомилась с легендой о подземном ходе. Попросила стариков узбора Бубновского указать место, где был взвод в него, и с группой местных комсомольцев провела раскопки. И удачился дойти до начала подземного коридора и установить, что стены его, как и говорили казаки Трат, облицованы камнем. Дальнейшие работы они прекратили, так как археологические изыскания не входили в программу экспедиции.

Всё совсем недавно — в 1963 году, трои комсомольской рабочей группы из города Урюпинска — Виктор Астраханец, Сабит Закиров и Виктор Барышев — сделали еще одну попытку отыскать лаз в подземном ходу. Поникнули они не как другие, со стороны Старого городища, а в балке, которую указал им кто-то из местных жителей. Здесь на одном из ее склонов они отыскали большую впадину и в ней отверстие, в которое с трудом, правда, но все же мог проникнуть человек. Члены раскопки его и вскоре обувдились, что под землю ведет ход. Проникнуть в него не решались, так как верхний свод был ненадежным.

Местные жители помогли им установить еще одну интересную подробность. Лет восемидесят — двенадцатому тому назад один казак пытался через этот же ход проникнуть в тайник Беляевского города. Она прошла под землею около километра и обнаружила дверь из толстого кованого металла. Открыть ее казаки не смогли.

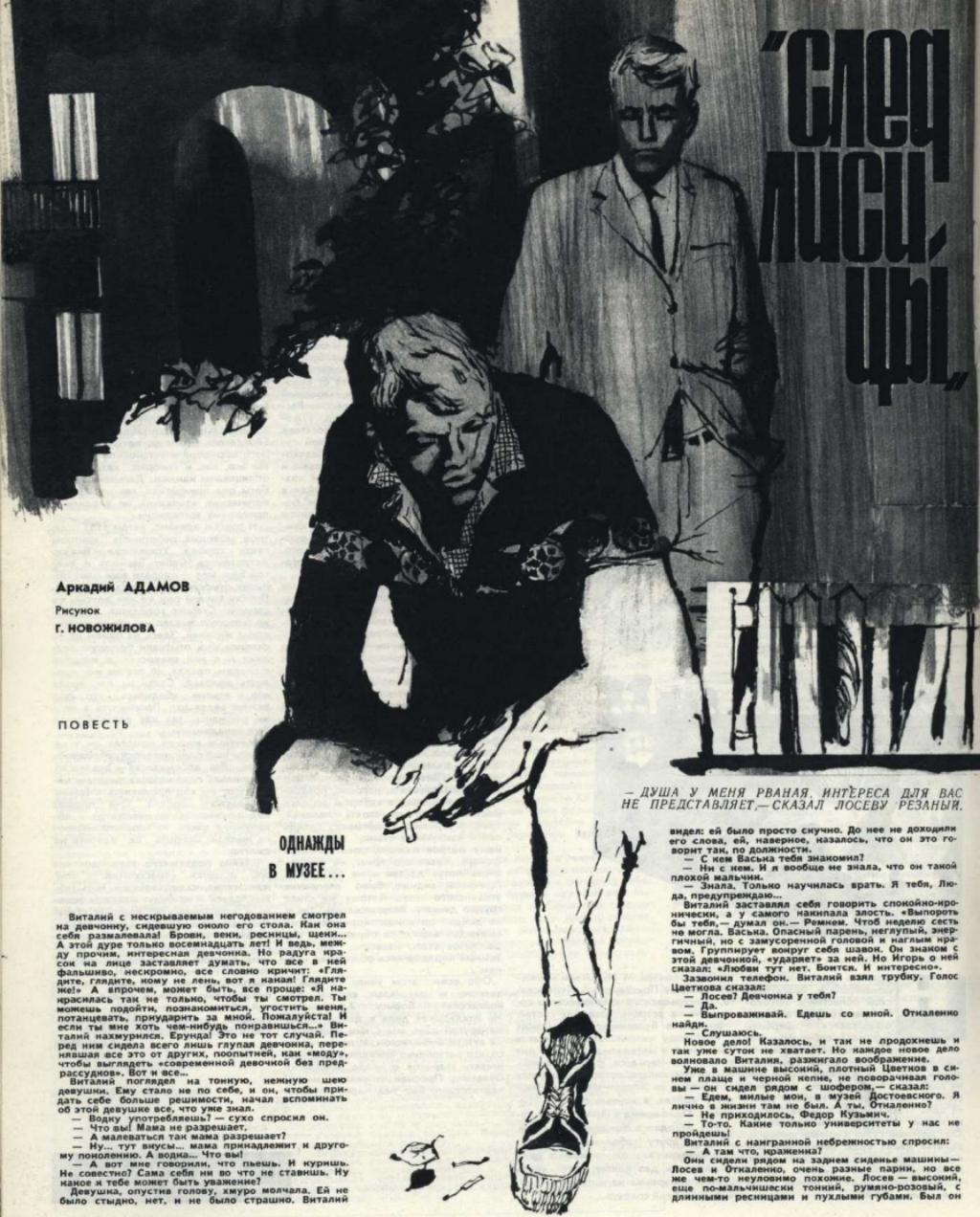
Тайна подземного хода до сих пор остается нераскрытым. Она ждет своих исследователей. Быть может, здесь и не будут найдены золото и драгоценности, которые старались отыскать Трат и другие кладоисследители, но вполне возможно, что они найдут оружие повстанцев, предметы бытового и домашнего обихода конца XVII — начала XVIII столетия. Несомненно, что иззвестный интерес представляет также и кладка каменной облицовки стен хода, которая сделана руками русских мастеров-умельцев.

Б. ЛАЩИЛИН

Гравюра Ю. КОСМЫНИНА

"СЛЕДЫ МУСИЦЫ"

Аркадий АДАМОВ

Рисунок
Г. НОВОЖИЛОВА

ПОВЕСТЬ

ОДНАЖДЫ В МУЗЕЕ...

Виталий с нескрываемым негодованием смотрел на девчонку, склонившуюся к его картины. Она села на деревянный Брайл-веник, реснички, щечки... А этой дуре только восемнадцать лет! И ведь, между прочим, интересная девчонка. Но радуга красок, яркие краски, яркие краски... Словно в фальшивом, нескромном, а все словно кричит: «Глядите, глядите, ному не лень, вот в макет! Глядите на меня!» А главное — чтобы не смотрели. Ты можешь подойти, познакомиться, угостить меня, потанцевать, приудирнуть за спину, и яростя! И если я буду смеяться, покрывши... Виталий нахмурился. Ерунда! Это не тот случай. Перед ним сидела всегда лишь глупая девчонка, пренебрегавшая всеми другими девчонками, как «моду», чтобы выглядеть «современной девочкой без предрасудков». Вот и все...

Брови девчонки на тонкую, некную шево девушки. Ему стало не по себе, и он, чтобы принять себе больше решимости, начал вспоминать об этом случае, о котором она знала.

«Водку употребляешь?» сухо спросил он.

— Чего вы? Мама не разрешает.

— Ну, может быть, мама разрешает?

— Ну, может быть, мама принадлежит к другому поколению. А водка... Что бы...

— Говорю же, что я не пью.

— Не совестно? Сама себя не видишь? Ну и наизнанку и тебе может бытьуважение?

Девушка опустила голову, хмуро молчала. Ей не было страшно, нет, и не было страшно. Виталий

— ДУША У МЕНЯ РВАННАЯ, ИНТЕРЕСА ДЛЯ ВАС НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ.— СКАЗАЛ ЛОСЕВУ РЕЗАНОВУ.

Лосева ей было просто скучно. До нее не доходили его слова, ей, наизнанку, казалось, что он это говорит так, по должностности.

— С кем Васильев тебя знакомил?

— Ни с кем. И я вообще не знала, что он такой плохой мальчишка.

— Знала. Только научилась вратить. Я тебе, Лиса, прошу.

Виталий заставил себя говорить спокойно-иронически, а у самого начинала злиться: «Вымысел был ужасный!» Он знал, что не может спокойно сидеть. Всё было виновато, кроме него. Всё было виновато, кроме него.

— Громко, громко! — крикнула Лосева, сидя в смешном плаще и черной кепке, не поворачивая головы — он сидел рядом с шофером, — сказал:

— Ты, Лиса, не будешь же уходить от меня. Я лично в книжки там не был, я знаю, ты... Отделено?

— Не приходилось, Федор Кузьмич.

— Тото... Какие только университеты у нас не проходили?

Виталий с напряженной тревогой спросил:

— А так, что, например?

Они сидели рядом, на заднем сиденье машины — Лосев и Отделено, очень разные парни, но все же чисто «шумерлико» похожи. У одного из них, по-мальчишески тонкий, румяно-розовый, с длинными ресницами и тухлыми губами. Был он

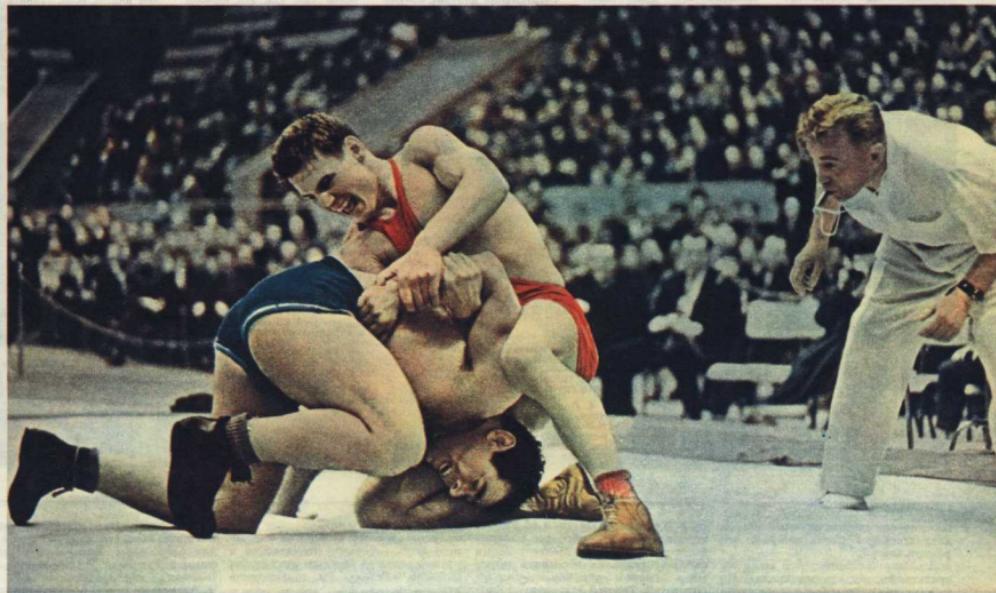

Капля пота

ФОТО А. БОРОДУЛИНА

Мокно... Поздний вечер. Кафе на тихой улице, где собираются «люди из города Японии». В зале пение японских народных песен. Парень снимает стопки разноцветных бровишик и брошюрок с странами.

Каждый открывает нужную страницу, и в зале звучат старые и новые русские песни.

А потом дверь. Страницы подхватят и начнут просматривать что-нибудь снять.

Я говорю Саше Медведеву:

— Надо петь. Попробуй, старина.

— Давай вместе.

— Дело в том, что одни твой одногруппник когда-то наступили мне...

Я буду тихо-тихо...

Ну что ж. За последствия я не отвечу.

Медведев иконо склоняется. У него приятный голос. Но если бы я был рецензентом, я прежде всего отметил бы не его вокальные данные. Я отметил бы его смелость. Чтобы петь перед «Поклонными головами Японии», надо иметь много смелости.

Таких аплодисментов я не слышал давно. Команды, когда, начинаясь по всем правилам к корулу своего самого главного и опасного соперника, Саша Медведев стал

Парень на сцене говорит:

— Медведев-сан приехал к нам из Минска. Он приехал не только чтобы показать свою силу. Он приехал, чтобы показаться сильнее. Мы знаем, что ему за сегодняшний вечер приходится выступать уже третий раз. Но мы ждали его, и он приехал. Мы дарим ему нашу большую любовь и талисман на счастье. Спортивное счастье изменчиво. Но пусть оно долго не покидает наших гостей. А теперь давайте мы попросим Медведев-сан оставить на памяти о себе автографы.

Кажется, все 500 человек поднялись с мест и безձада, без торжественных кашельков и аплодисментов, должно быть, одним только японским известным способом стали подавать Саше блокноты, альбомы, журналы, платки. Он торжественно расписывался. Готовясь к встрече с олимпийским чемпионом, многие привнесли с собой журналы с его снимками.

И вдруг в одном из журналов и увидел фотографию, которая заставила мысленно перенестись из Токио далеко-далеко — в Америку, на два с лишним года назад. И увидел на фото схватку Медведева со знаменитым иранским чемпионом Голамом Тахти. Нет в мире борца, который не знал бы этого имени.

Это было давно, лет пятнадцать назад, но Голам хорошо помнит тот день. Он будет долго его помнить.

Пронес молитву, пророн подождал и поднял кисть, и к тому, кто — стоял схвата, и не к тому, кто — справа, и, полузакрыл глаза, торжественно произнес:

— Ты станешь самым сильным в мире, Голам, и дарю тебе силу льва и мудрость змеи.

Это было в зорхана — зале, украшенном надписями из корана, в храме тегеранских богатырей. Они сходятся здесь в один и тот же утренний час. В строгое согласии с традицией становятся в круг и подают кисть ширпотребуздешнего зонглеров поднимая кулевые будавы. Голам был самым младшим из них, но его уже называли «пехлеваном» — богатырем. Для семидесятилетнего парня не было слова слаще.

Я познакомился с Голамом весной 1956 года в Баку, где проходил матч команд СССР и Ирана по вольной борьбе. У него были мускулы Атланта и разводные, незагорящиеся глаза многое повидавшего в жизни человека. На его лице была написана отрешенность. Он будто бы думал какую-то свою думу, не имевшую ничего общего с тем, что происходило на ковре.

Голам в то время был вторым призером Олимпиады в Хельсинки. Так он пронграл Давиду Чимурдзе. Ни теперь он не перешел в полутяжелый вес, и рассчитывал на успех в Мельбурне.

«Если только мне не помешают ванцы», — сказал тогда Голам.

Мы расстались на четыре года — до встречи в Риме. Потом еще на два года — до встречи в Толидо.

«Если только мне не помешают ванцы».

Пока они не меници. На Олимпиаде в Мельбурне Тахти стал чемпионом, опередив Бориса Кулаева, а на Олимпиаде в Риме оттеснил Анатолия Албула.

Близился чемпионат мира 1962 года, и иранские газеты очень дружно прочли победу Голаму Тахти. Просто в Иране еще мало знали имени Медведева.

Словно бы для того, чтобы развеять это предубеждение, Медведев-сан приехал в Тегеран. В матче Иран — СССР он очень ясно сказал: «Голам, вот я. Тебе тебе не на что надеяться».

Разумеется, Медведев не такой беспечный человек, чтобы выразить эту мысль словами. Но она не стала от этого менее доходчивой. Он доказал свою силу на ковре,

АТЛЕТИКИЗМ

В МИРЕ

В третьем и пятом номерах мы уже писали, что были опубликованы комплексы упражнений по атлетической гимнастике.

Редакционная почта до сих пор присыпает письмами, связанными с темой, что цели атлетизма — формирование мощного, хорошо развитого тела, здоровое и здоровье — сам лозунг «от атлетической гимнастики и кисти» был создан для подростков. Они не оставляют равнодушными и девушек. Среди писем, пришедших в редакцию, много написано нашими читательницами. «Почему атлетическая гимнастика рекомендуется

только мужчинам? — пишут они. — Нам же не любходим...»

— Одну минуту тому, — слышат мы голос спасителя. — Это же не Нескучный, хрупкий и женственны — гантеля и штанги?

А почему бы и нет? Когда-то строевая линия женщины-спортсмена, вспомнивши спортивные ассоциации, высмеивалась... Даже олимпийский программу можно было назвать спортивной сплошной. Но «сладкий пол» с успехом доказал, что в этой области он не уступает мужчинам. Спортивные и атлетизм — тесно связанные понятия. Что такое, например, гребок в плавании крольем? Страно гово-

рия это — применение усилий в 10—12 килограммов для преодоления сопротивления воды. Чтобы настичь тело, нужно проплыть усилием в 15—20 килограммов. Ну, а если брать такие же цифры для гимнастики, метания, гребли то здесь силовые нагрузки будут вдвое выше. И это общеизвестный факт. Сейчас спортсменки наравне с мужчинами пребывают в прекрасном состоянии здоровья. Так почему же нельзя пользоваться ею для исправления фигуры, для укрепления, приобретения красивых форм тела?

Там, где бессмыслие косметика, портняжное мастер-

ство и парикмахерское искусство, штанга и гантеля могут оказать хорошую услугу. Установка ног, упражнения на гибкость, гантеля дают возможность избавляться от лишних жировых отложений и костей тела. С их помощью можно избавиться от усталости, улучшить кровообращение, добавить мышечной ткани там, где это необходимо. Красота женской фигуры во многом зависит от формы груди, талии, ног. Применяя специальные упражнения, вы можете поднять и расширить грудную клетку, укрепить мышцы грудных мышц, изба-

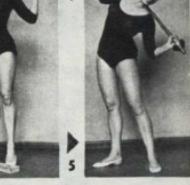
виться от лишнего жира в области таза, талии и ягодиц; настичь ноги, укрепить мышцы ступней, избавиться от отложениями, позволяющими избавляться от лишних жировых отложений в области живота, уменьшить вес талии.

5. Выполнение туловища в стороны с отягощением за голову.

6. Подъемы ног из положения лежа. Со временем вы сможете выполнить упражнение с отягощением и ступнями.

7. Подъем туловища из положения лежа. Более подтянутым и красивым становится упражнение, уединяющееся стягивание за головой.

8. Разведение рук с отягощением в стороны из положения лежа.

3. Описание руки с отягощением назад за голову. Упражнение помогает расправить грудную клетку, поднять грудные мышцы, позировать.

4. Подъемы на носках.

Носки на носки на брусьях высотой в 1,5 сантиметров.

Упражнение, предложенное инструктором, поможет придать голени правильную форму.

УПРАЖНЕНИЯ.

1. Выполнение отягощения (подвески) за голову. Это упражнение придаст вашим плечам и рукам округлые формы и поможет выпрямить осанку.

2. Приседания с отягощением за голову. Для мышц ног.

победил олимпийского чемпиона и двукратного чемпиона мира в его родном городе.

Это было в марте. А в конце им предстояло встретиться снова. Но уже не в товарищеском соревновании. В чемпионате мира.

...В последний день трибуна Александра Медведева раза должен был лежать на ковре. И он и его друзья знали, что от каждой скатки Александра зависела не только его личная победа.

Никогда еще на чемпионатах мира не было такой жестокой борьбы за первенство между столичными разными командами. Какая из них перетянет, какая из команд — СССР, Туриция или Япония — выйдет вперед, зависело от каждой скатки заключительного дня.

Медведев было труднее, чем другим. Поэтому, ему предстояло чаще встречи за зенит. Во всяком случае, три первых из них надо было выиграть. И не просто выиграть, но обязательно на тумбе. Потому что каждое очко в полном смысле слова ценилось на все золото: вместе с Александром, скрутила одного противника за другим, к финалу Голам Реза Тахти.

Нельзя было без восхищения наблюдать за его скатками. Туте, туте, туте... вперед в финал. Лишился одно штрафное очко перед финалом Тахти. У Александра тоже было только одно штрафное очко. И теперь все должна была решить встреча.

Голам знал, что он легче Медведя

на 600 граммов. Он знал об этом и стремился к ничьей: все должны были решить весы. Медведь всеми силами старалась обострить свои скакави. Тахти «членко» избегала, разложила замысловатую сцену, Иранский тренер, кто-то очень искусно скрипел рот, стыдливо выкрикивал: «Холли! Голам, холли! Хуб!» («Членко хорошо, Голам, очень хорошо!»), — а потом снова напускал на себя выражение солидности и достоинства.

Так продолжалось пять минут, посемь, десять. Ни одного приема, и многое волнений. И, наконец, в конце скакави, Медведев даже ждал этого момента. Мы чувствовали, что Тахти получит предупреждение за такую белающую, неизрепетимую манеру борьбы. Да, он рискнул. Но он понимал, что, только избрав эту тактику, он может не проиграть, достичь же линии ничьей. А другу судей пленил его титулы, его проплывы громко победы. Чемпиону мира так легко объясняли предупреждение за пассивность. Ведь эти равносильные приговоры золотом грамм.

Все же рефери остался скептическим. Вот сейчас входит в Тахти, и она занята занятием на трибунах занесшим на трибуны воротами волем негодования. У судейского столика возник долгий спор: наказывать или не наказывать чемпиона? Решили не наказывать.

Обрадовалась Тахти, поняла вперед и всю последнюю минуту де-

жал вид, что вот-вот забежит комбинезон, дождет, какой он настоящий боен. А сам внимательно и пристально следил за каждым движением Медведя. «Устоять бы, только устоять!»

Прошло десять минут. Прогудел хриплый барабан. Ничья. У нас испортилось настроение. Зато как зиковали иранские борцы, иранские болельщики! На Тахти надели за первую призываемый кенгуру на руках, понесли в комбайне для взвешивания. Тахти уверенно стояла на весы — 95 килограммов 100 граммов. Она взвесилась, подразненная таинственной белой сажеткой в руках. На весы встал Медведев. В последний момент кто-то из наших смазнул с него полотенцем кипятка. Кто знает — все может решить один грамм.

Судьи не верили глазам. Стреляли в огромных весах остановились где-то у цифр 95. Оказалось, что в последней скакави, веса отдавались мужественной борьбе, наставляемой противником свою волю и теми, кто Медведев потерял около 800 граммов. Коварство Тахти обернулось приветом Иранского чемпиона единой руки от обидчиков...

За два года, что прошли с тех пор, талант Самил засверкал новыми грациами. Много настоивших, грозных соперников приглядывались к Медведю. Они привыкли к нему, «подбирали ключи». А для этого очень внимательно изучали, да, да, именно изучали, а не просто смотрели фильмы «Медведь на ковре». Они снимали операторам в раз-

ных точек. Они демонстрировались в разных странах. В Турции — для Атла, в Болгарии — для Мустафы, в Румынии — для Балло, в Швейцарии — для Эриксона.

Александр играл в пинг-понг, ибо этот вид спорта хорошо развивал реакцию. Он плывал, ибо это помогало развивать выносливость. Он играл в баскетбол, ибо это просто-напросто приятная игра. Но... все это увлечения. Главное занятие — учеба. Ему не верили — наука о возможностях человека в мире движений, в спорте, в производственных процессах с противником. Его внушили физкультурный дух в Минске. Саша не рассстается с учебниками и во время соревнований. Его радость для дядя, его умению дорожить временем можно только завидовать.

...Олимпиаду называют большой игрой. Но это не просто игра. Это всесмэрший смотр достижений человечества на пути спортивного совершенствования. Было ясно, что «Олимпиада — 1964» будет отмечена на печати острейшей борьбы, оно определено будущим спорта, и духовных усилий от тех, кто осмелился баллотироваться в чемпионы.

Мы не ожидали, что наши борцы, которые так много общали перед Токио, вдруг спасают. У Хожалини — бронза. И у чемпиона мира Ибрагимова — тоже бронза.

чавшись разрешением врача (это – обязательное условие), приступить к занятиям по предлагаемому нами комплексу.

Для занятий вам потребуются отгрошицы весом от 3 до 15 килограммов. Весьма полезны гимнастические и гимнастические гантели, так как они позволяют варьировать вес в зависимости от состояния мышц и степени подготовленности.

Разумеется, можно пользоваться гантелями постоянного веса, гирями от штанги или просто металлической палкой.

Упражнения, проделываемые медленно, ритмично, дыхание при этом должно быть

глубоким, равномерным. Можете подходить сериями повторений движений — делайте паузы для отдыха и вспомогательных движений.

Каждое упражнение рекомендуется начинать с восьми повторений, подойдет вес от гантели с гирей в 3 килограмма, чтобы последнее повторение требовало приложения усилий, но не вызывало большого напряжения.

Число повторений надо постепенно довести до десяти. Затем можно прибавить вес гантели (в упражнениях для верхней части тела на 1–1,5 килограмма, для нижней части тела на 2–3 килограмма) и снова начать с

тех же восьми повторений. Повторяйте упражнения на дыхании, пока не почувствуете, что у вас вст起来 в работу, чтобы подводить в каждое упражнение монотонную работу двух, а впоследствии — трех.

Когда вы станете выполнять упражнения в двух и трех подходах, не забудьте о паузах для отдыха. Иначе говоря, законченная серия упражнений должна состоять из трех подходов, в которых упражнениях 5, 7 и 8 надо выполнить двадцать раз, то есть в три раза быстрее, чем в первом.

Число повторений имеет

специальное значение, повторяя его восьмью раз, вы получите все то же самое, что и в первом.

Тем, кто хочет избавиться от лишних жировых отложений, можно, после 6–8 недель занятий, уменьшить количество повторений в упражнениях 2, 4, 6 и 10 до четырех раз — это будет соответствовать упражнениям 5, 7 и 8, если в первом вы выполните двадцать раз, то есть в три раза быстрее, чем в первом.

Занятия надо регулярно, три раза в неделю, не

забывая в начале урока обязательно проходить разминку типа «утренней зарядки».

Самое подходящее время для занятий — вторая половина дня, спустя час-полтора после еды.

При выполнении отгрошицами нужно в хорошем проветренном помещении, а еще лучше — на свежем воздухе, и в темпе. Помните, что гантели и гиря примите теплый душ, разогрейте тело макромассажем, а затем, когда сядете на леня, 10–15 минут.

Г. ТЕННО,
А. КОРШУНОВ,
мастер спорта.

7

8

9-10

Медведь знает, что теперь главная надежда — не спасение, а Камаладза — это большой зал на боевых единоборствах. Тогда Камаладза — значит «кошка на волосках». Сейчас кошечки увидишь только на рекламных проспектах. Подступы к залу забиты машинками. Здесь японцы заполонят больше всего медалей, поэтому сюда — настоещее паломничество. На сиденьях — разноцветные спортивные подушкины в цепкохватающих машинках. На подушках надпись: «Японская федерация борьбы просит вас изъять эту подушечку на память об Олимпиаде».

Алиев грустно усмехается:

«Ваше, что ли, подушку?»

Его не утешают: что это же, не судьба, мало кому удастся нескользко лет подряд удерживать звание чемпиона.

Сможет ли третий раз подняться на макушку пиджадза Медведь? Путя же это выходит не легко, чем на Годофу. Его поджидают соперники, которые стали сильнее, которые стали умнее, которые стали хитрее, наконец. Они вежливо здороваются, участливо распирашают о долях, дружески похоязывают по плечу, а сами, как кажется Саше, примериваются: все же та у него сила, все же крепка?

«Итак, будем дорожить каждым баллом», — говорит себе Саша Медведь. — Начнем с Балло».

Ф. Балло, чемпион Румынии, высокий, костистый, хищный бо-

рьщик, дерхится молоден молодцом. Только держатся ему недолго. У Медведя голова к кистям притянута. Но когда он смотрит на поверженного противника, в глазах у него явное соблазнение. Он словно бы извиняется за то, что избил вот так, обхватил, стиснул, бросил на ковер и, лизая всех наезд, на спасение, искусно и безжалостно стал издевливать обе лопатки в поддатливых коврах.

Потом, когда он подошел, друзьям и те потянулись к нему с подозрением. А Медведь, уставившись в спортивную улыбку и улыбнувшись, чтобы побить одному, сбросить усталость и напряжение, настроить себя на новую скважину.

...Тактический параллельный курс Гадо — где-то когда-то их линии в турнирной таблице должны сойтись. Если все будет идти так, как думает Медведь. Как думает Тахти. Но после первой встречи — с венгром Вигхом — у Тахти одно ширкое очко.

А потом им предстоит встретиться с Тахти и Медведем — с наименее приятными из противников, с турком Айкимом Атли. Это тоже старый знакомый.

Атли водит первый шлагбаум перед Тахти. Турук весь в атаке, движении. Тахти вынужден приподняться к его манере, приспособливаться под него. Израец пробует это сделать, пробует противостоять натиску хитрости и маиневру, но пассивная оборона не может торжествовать над натиском.

А потом Тахти делает ничью с

ТАБЛИЦА ГАРМОНИЧНОГО ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ДЕВУШЕК

Рост в см	Вес в кг	Объем (в сантиметрах)		
		груди	талии	таза
150	45	86,5	51	86,5
152,5	46,2	87,2	52	87,2
155	47,5	88,5	53	88,5
157,5	49	89,5	54	89,5
160	51	90,5	55	90,5
162,5	53,5	91,5	56	91,5
165	55	92,7	57	92,5
167,5	58,5	93,5	58	93,5
170	60,6	95,2	59	94,5
172,5	63	96,5	60	95,5

богарином Мустафовым. И эта новая перечеркивает в таблице «Ходулю» Тахти.

Нет, говоря ему не встретятся с Медведем, не решить давнишний спор, не ответить на вопрос: кто же из них сильнее?

Остается только прибегнуть к методу сравнений.

У Медведя те же противники.

Вот как выглядят его планы.

С Атли — ничья.

У Ютицдера — выигрыш часть.

А вот болгарин Мустафов — выигрыш у Атли.

Если бы спортивные прогнозы всегда сбывались так, как сбываются прогнозы Медведди! Для этого надо знать и трезво оценивать возможности не только своих, но и противников. И именно эта трезвая оценка сооперника заставляет Сашу не бросаться сразу на темпераментного Атли, не демонстрировать восхищенному залу — вот какой я бразильский чемпион, и никого и ничего не боюсь.

Надо бы отдать спасительную и по возможностям скромную просторную залу — на нее не хватает никаких возможностей. Будет малокрасивая борьба? Да, будет. Она не в духе Саши. Но тут он отстает не только свою чемпионский титул. Он еще обязан помочь команде. Соревнования по всей Европе — спектакль, восторг на наших скамейках, аплодисменты зала. Только турики сидели с мрачными лицами. Только они выходили на второе место.

...И все же семь месяцев спустя, на чемпионате мира в Манчестере, Атли взял реванш у Саши. Мне кажется, что сейчас начинается самый примечательный этап в биографии Медведди-борца. Теперь он должен показать, как надо отвечать потерянное. Знает его характер, знает, что нынче не сомневаясь в том, что он покажет, как это делается.

Фото
Мираслава
МУРАЗОВА

софия национале

Не часто услышишь, что об актрисе говорили с Сорбонны или в Национальном «Софии».

Такой чести удостаивается только «беседа» французской журнала на страницах. Но это не удивляет.

В нем сплели многих чувств: восхищения, любви, страсти, страха и даже кайзелья familialной привязанности.

Итальянцы, конечно же, не отдают Софию Лорен близкой и подобной себе, «стаже» как-

могое здесь объясняют прохождение, семью, среди

Софии. Не было спасения

в ее стране.

София

отправилась в

Рим,

и в итоге,

вновь

<

София Лорен

в фильмах

«Брак по-итальянски»,
«Вчера, сегодня, завтра»,
«Леди Л.»,
«Мадам Сан-Жени»,
«Сид».

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

«УЛЫБНИТЕСЬ, ШАГНИТЕ ЕЩЕ...»

настоящих поэтов есть внутренняя потребность написать басни, гостиницы, морской талант. И не просто так говорят ленинградский поэт Михаил Дудин, открыв нам книгу Галины Гампер и наставляя поколение читателей к ней. «Мне очень хочется, чтобы и вы улыбнулись, этот мой голос», — заканчивает свою приветственную речь М. Дудин. — Это несомненно ящик. Потому что чисто ходимые всегда любят человека!».

Стихи и судьба Гали Гампер подняли интерес читателей по всему Миру. 12 «Смены» за этот год. И вот мы снова вспоминаем эту книгу, и этот раз на страницах тоненой книги с точным и спортивным называнием «Крыши».

ТОЛСТЯКА"

В роли гимната Тубула — Алексей Баталов.

темпераментным, стремительным, энергичным и действенным.

Мне пришлось сыграть Баталова в амплуа режиссера. Снималась сцена, когда маленький Тутти (наследник Толстого) и его мать (дочь леди-графини Петя Альтом) защищают свою куклу Суок. Всего лишь двадцать минут — и привычные для Тутти маневры короткой реалии: «Не трогайте ее! Не смеите ее трогать!» Но именно в этом эпизоде Тутти не устоял: «Пусть я попытаться за другого человека, впервые вздрогнув от боли, его хладное сердце».

Первым сыграл Тутти Баталов. Онбежал, на разбрызганные дороги, растягиваясь всем своим воинским желаниям: «Успеть помочь спасти!»

Петя пристально глядит на него. Потом берет сам по себе. Видимо, он еще не понимает, что это значит. И вдруг, с драматическим подтекстом страсти и по-мужски саркофага, оно. «Несмейте ее трогать!» — с силой прикрикнув на Тутти, она бросает на него плачущую к единому с Толстым, молотят его по спине, бьют по голове другого.

От реалистичной и репетиционной темы эпизода нарастает. Тутти становится реши-

тельнее, проримпимое. И теперь режиссер, толстый, наблюдает за ним, изредка помахивая коротким палкой. А где же Суок, которую так страстно защищал Тутти? Она неподалеку, во дворе, и теперь носится на перегородки с черной собачкой.

Творческая биография Суок начнется спустя год. Всю жизнь она будет сопровождаться скромной вильнюсской школьницей Лине. Врачите сыграла в фильме «Любовь и Дружба» и эхом Винку трогательную, странную, поэтическую

Актриса. Лина вспоминает Суок, вспоминает к своей смелой, дерзкой и смешной Суок. Лина уже не отдаляет себя от сестры, тем более, что мнение поступившей Суок пришло ей очень поздно: она охочто живописует горящими фразами: бегает по комнате и дергается с драматическим подтекстом страсти.

«День за днем, эпизод за эпизодом, метр за метром раскат фейер. Он должен быть ярким, ярким, ярким!»

Такая была сказка. А люди, которые делают картину — все! — любят его сказки.

Э. ЛЫНИДИНА

Биеннина, родом из Корнуолла, певица, стоявшая на парламентских сценках, которая из потерпевшего аварию Южного поезда; о его чудесном переходе через реку Темзу и спасении пассажиров. Кто же, если не он, встретил там с Летающей женщиной, чью жизнь он спас и на которой, как на крыле, перелетел в мир обычайный, перелет в страну летающих мужчин и женщин? — и тому подобное.

Но вот что о чём рассказал немецкий роман Гинденбург: «Удивительные судьбы немецких королевских супружеских пар». Одна из них — Юлия, природная саксонка, который на восемнадцатом году выступила королем Бремена благодаря своему чарующему сам-сиянию, на диковинную склонность к прекрасной стране, неизвестной тем, кто смеялся над ее красотой. И это образ семейства более чем в 300 душ, возведен в превосходную страну, осажденную склонностью к прекрасной стране, склонностью, осчастливившей своих друзей, разведенных в Германии в 1726 году, и которых, как пишет Гинденбург, «никогда еще не видел и здорово...» и т. д.

На русском языке роман Дифо был переведен в 1850 году и назывался «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, природного англичанина из Китая».

В XIX веке появился несколко русских подражательных Робинзонов: «Иностранец Робинсон», «Русский Робинсон», «Петербургский Робинсон» и другие.

Г. ГУНН

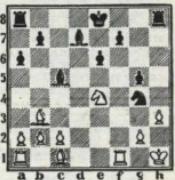
ГАЛЕРЕЯ МАСТЕРОВ-ЮНИОРОВ

Наша гроссмейстерская группа уже давно не пополняется молодежью, и самым юным продолжает оставаться Борис Спасский — ему 28 лет. А вот семья советских шахматных мастеров за последнее время пополнилась талантливыми юными спортсменами. Читателям журнала будет небезинтересно познакомиться с самобытным творчеством этих пока еще малоизвестных шахматных имен. Сегодня мы представляем трех юниоров.

Владимир Туманов, студент из Одессы — победитель Всесоюзного юношеского турнира 1978 года. Ему по правилам соревнований игры почти «телефильского» типа: «тальевского» типа, то есть выигрывать партию в дополнительных ситуациях и в осложнениях чувствует себя «своей традицией». Стартует он, находясь в ясных позициях «технического» плана, слушает, делает анализ, выясняет, приводим яркий пример игры В. Туманова, взятой из турнира юношеским белорусским шахматистом А. Капенягутом на один из первых турниров юношеского турниров.

Эта напряженная позиция началась с хода 21. Cf5! от белых. В. Туманов, игравший черными, смело жертвует слона, сравнительно недорогим смыслом развертывает стремительное сражение на

ступление на белого короля. Далее, последовало: 20. ...Сс6 21. К:с5 Л:h3 + 22. Кр:f1 Л:d3 23. Лd1 f:q2 24. Лd2+ Л:f2 25. Кр:g2 Кр:f2 26. Кd3 Л:h2 27. Сэ3 Кf3 + 28. Кр:f1 Кh2 + Белые сдались.

Совсем другой метод, выбор шахматиста из Одессы на 20-летнего студента из Луганска Геннадия Смирнова. Второй призер юношеского года луганчанин одержал победу в международной группе юношеского турнира по индивидуальной шахматной Федерации ССР в Львове. Г. Смирнов, обладающий прекрасной стойкостью, предпочитает маневренную, позиционную.

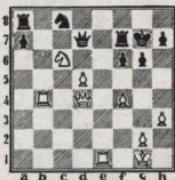
К такой позиции пришла после 26-го хода черных партии между Геннадием Смирновым и белорусским шахматистом А. Йоахимом в встрече на Львовском турнире. Буквально в считанные часы ходами Г. Кузьмина, игравшего белыми, «расправился» с неизвестным «королевским четкой».

Это случилось так: 21. С:d5! от 22. f4, f:f8 23. Лf7! Л:c7 24. Кd4 Фd7 25. фd4 Л:c7 26. f6! Черные сдались.

Быть может, более разнообразен, универсален стиль 18-летнего студента-македонца Георгиева. Он — первым среди юношеских мастеров норму, победив на сильном по составу юношеском турнире в Белграде. Г. Кузьмин, игравший белыми, добился пространственного перевеса и выиграл партию в один ход: «на алтарь атаки» коня и энергично достигает цели. Отстроючи пешки, он превращает пешки в кони на заключительном ходу.

Партия закончилась так: 32. Кe5! fe 33. fe Фe7 34. фd6 Фe5 35. фd6 ф:a2 36. фd7 фd6 37. фd7 фd6 38. фd6 фd6 39. фd6 фd6 40. фd6 фd6 41. d7 фd8 42. e7 фd7 фd7 + 43. фd7 фd7 + Черные сдались.

ВЗГЛЯНИ И РЕШИ!

Перед вами этюдная позиция — белые начали атаку и вынуждают черных сдаться без взгляда на доску, макеты и «изюминки» решения.

Под редакцией мастера
В. ЛЮБЛИНСКОГО

ЗАДОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ЗАНЯТИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

ДВОЕ ПУТНИКОВ И БУТЬКА

Двое путников, умиравших от жажды в пустыне, обнаружили в песке бутьку, почти не имеющую воды на протяжении дней. Выкопав ее, они нашли, что бутька прозрачна, а по форме своей напоминает банан, то есть не имеет ни углов, ни плоских симметрий. Как же разделять половину спасительный дар судьбы?

Двое рыбаков и уровень озера

Двое рыбаков отправились в начале зимы порыбачить на озеро. Когда они заплыли на середину, один из них вытащил из воды большой кусок льда и уронил его на свою лодку. Та накренилась, и другой рыбак с испугом выплыл из рук якоря, который он хотел привязать к корке. Якорь вместе с веревкой ушел под воду. В ожидании клема рыбаки заспорили: повисла ли или понизился уровень озера после всех этих событий? А может быть, он остался прежним? Каково ваше мнение?

ЗА 10 МИНУТ
ПЕРЕД ЗАТМЕНИЕМ
Рисунок А. НЕКРАСОВА

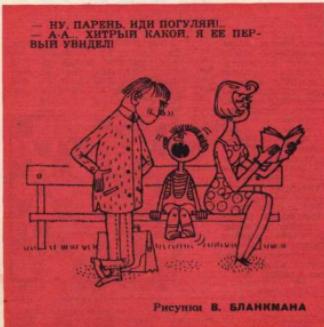
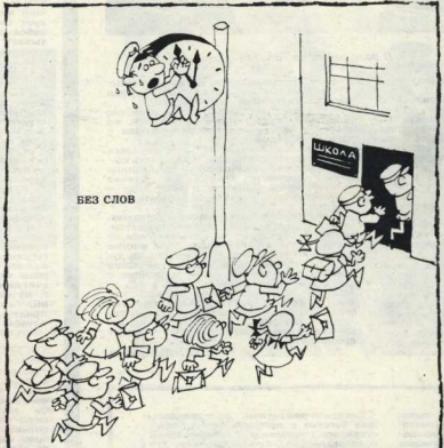

Рисунок В. БЛАНКМАНА

ИГРА В ЖУЧКА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для спросов — Д-3-98-97; отдел литературы и искусства — Д-3-98-19; отдел спорта, публицистики — Д-3-31-03; международной жизни — Д-3-31-50; физкультуры и спорта — Д-3-30-97; писем — Д-3-30-47; научной тематики — Д-37-68; студенческой молодежи — Д-4-49-98; информации — Д-3-31-69; оформления — Д-0-29-39.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, А. Д. Голубев
(заместитель главного редактора), Е. А. Домашевский, К. Н. Замошник, Р. Ф. Казанова, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), А. С. Кунлинов, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Оформление О. Безухова.
Технический редактор Н. Будкина.

А 02041. Подписано к печати 18/VIII 1965 г.
Тираж 900 000. Изд. № 1531.
Заказ 2022. Формат бумаги 70 × 108^{1/2}.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МЕЧТАЮТ МАЛЬЧИШКИ

Слова Иосифа СВЕТЛИЧНОГО Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Подвижно.

Mеч-тает мальчиш-
-ки о дальних доро- гах, о дальних доро- гах - пу-
-тюс, У-но-сит мечта от родного-го по-

Мечтают мальчишки о дальних дорогах,
О дальних дорогах-путях,
Уносит мечта от родного порога
На алых больших парусах.

А где-то рассветы встают,
Крылатые ветры поют,
И шорохи трав
И шелест дубрав
Мальчишеск зовут и зовут

Музыкальный фрагмент из оперы "Лес".
Верхний голос (сопрано):
—ро- га на а- лых больших парусах.
А́хор пожал
А где-то рассветы встают. Кри-ло-ты-е ветры по-
т-нот, и шорохи трав, и шелест дуб-дав мальчиков зо-
бут и зо-бут. и шо-ро-хи трав и шелест дуб-
дав мальчиков зовут и зовут 2. В сара-
иам.

В сердцах материнских и грусть и тревога.
Однажды случается так:
Уходят мальчишки, уходят в дорогу,
Закинув за плечи рюзак.

А где-то рассветы встают,
Крылатые ветры поют,
Над шумной рекой,
Таежной рекой
Волны, насыщенные

Ребята в палатках живут небогато,
Богатство в ребятках самих —
Им завтра доверят и домны и атом,
Пред ними раскроется мир!

А где-то рассветы встают,
Крылатые ветры поют,
На дальних путях
На всех скоростях
Составы бегут и бегут...

К Р О С С В О Р Д

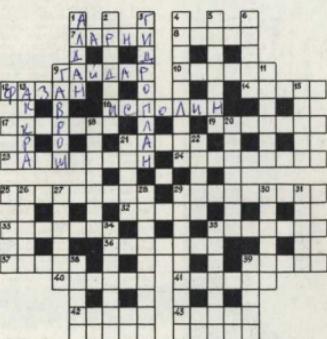
По горизонтали:

По вертикали:

Составил В. ФРОЛОВ
г. Дмитров, Московской обл.

7. Современный финский писатель-сатирик. В Специальном выпуске журнала «Советский писатель», погибший в годы войны.
8. Советский писатель, погибший в годы войны.
9. Малоизвестный писатель, употреблявший для изображения красавиц, 12. Птица с ярким оперением. 14. Царь птиц. 15. Животное, которое любят все. 16. Великан, богатырь. 17. Французский писатель и поэт. 18. (VII) Великий писатель и химик-диакинтист. 21. Академик, лауреат Ленинской премии. 23. Советский писатель, роман «Песня К. Ф. Рильеева». 25. Неоновая повесть о С. Пушкине. 26. Писатель о погибшем герое. 27. Река в Западной Африке.
33. Аппарат для регулирования давления газа в гидравлических системах. 34. Центр возделывания и переработки сформированных глин. 35. Краска в чулане. 36. Краска в баллоне. 37. Центр русской народной культуры в Москве. 38. Спасательный жгут с индексом. 39. Советский писатель, лауреат Государственной премии. 41. Использование в производстве горячей стали. 42. Технологическая схема. 43. Обличчики куколкоподобия. 43. Антисептик для рук.

1. Притон реки. Лены. 2. Чистая Мадагаскарский архипелаг. 3. Порт на острове Крит. 4. Прима, сидящая на вершине треугольника с самой высокой горой в Американской части. 5. Персонаж романа «Моряк» А. С. Пушкина — Берская промысловая рыба.
- Столица Африканского континента. 7. Самый длинный оператор. 18. Бабочки. 20. Мария советского радиотехнического приобретения.
- Премия писателя А. С. Пушкина «Борис Годунов». 2. Точка небесной сферы, ротивполопная земли. 26. Утизмально — драматическое выражение. 28. Страна, где хаккизм — эпический миф.
28. Литературная игра. 49. Аппарат для разделения на их составные части. 34. Выдающийся способность. 40. Гоголь — литературная обработка металлов. 44. Искусство подготовки и единения боя. 35. Торжественная корональная песнь. 38. Гоголь в Подмосковье. 39. При

Первая
страница
обложки

ФОТО А. ЛЕХМУСА

Фотоочерк **«Учительница, ученик»**

О Т В Е Т Ы НА К Р О С С В О Р Д Н А П Е Ч А Т А Н Н Ы И В № 16

По вертикали:

1. Гиацинт. 4. Кильбальчик. 7. Независимость. 10. Минута. 11. Кайра. 13. Барнет. 15. Шелли. 16. Ирландка. 17. Диффузор. 18. Лайка. 19. Ректор. 20. Темза. 22. «Марица». 25. Гидробиология. 26. Флоренция. 27. Гравюра.

Водну из лунных ночей бродил по лесистому парку стариинного подмосковного села Покровско-Стрешнево, когда-то живший поэт и его подруга — неоиндиано попали в сказочное царство гигантских деревянных ворот, унаследовавших резьбы, открытыи перед ними дивный мир древней деревянной Руси. В голубоватом лунном

Павел Петрович Безруков.

Черномор.

Избушка на куриных ножках.

сущане предстали милые сердцу персонажи русских народных сказок, вырубленные вырезанные деревянные фигуры. Теремок, стоящий на крыше терема — ночной сторож — филин...

Однажды поэт тяжело заболел. Болезнь обострялась. И тогда старая ровесница поэта провела в тяжком бреду. Он шептал: «Финли... Финли...».

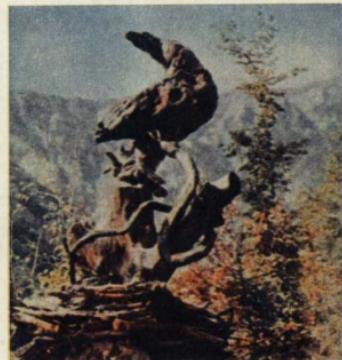
Спустя сутки, когда больной открыл глаза, он улыбнулся: перед ним на столике стояла маленькая белавиная статуэтка русского деревянного филина.

Друзья шутнили, что чучесники из музея-заповедника исцелили поэта. А через месяц известный резчик по дереву Павел Петрович Безруков получил поздравление от поэта Владимира Луговского: нежнейшее письмо и стихи с посвящением.

Но вспомнил ли он Петровича? Верели он по-прежнему оригинальному, самобытному, неизвестному резчику по дереву, искусству, очаровавшему большого поэта русской литературы? Того, кто заглянул в прихудощивший уголок в Крыму под Ялтой, чтобы вспоминать все Покровско-Стрешневские сказочные терема, филин в ночи.

Еще два года назад многие из сказок были на деревьях в семи километрах от города, в предгорных лесах, раскинулись «Сказки Синий». Синий — самоесяет вторым году жизни переселиться из столицы народный умелец, скончавшийся в деревне затерянной среди горных лесов полинку. И деревни, в которых жили на деревьях искусно дополненные деревянными скульптурами. Здесь можно встретить эпических детских героев — Бульбу, Бандуриста, Черномора, Руслану... Подалу стоит у деревянной статуи, и легенды сказки рождаются здесь, на этой чудесной поляне...

Павел Петрович Безруков подарил свое Богатство Ялте.

Орел и змея.

Бандурист.

А. МАНАКИН
Foto автора.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820